
ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

Сопротивление оккупантам

Как известно, оккупация — это временное занятие значительными воинскими формированиями одного воюющего государства территории (или ее части) другого воюющего государства и установление на этой территории административной власти высших командных инстанций оккупационных войск. Оккупация не ведет к распространению суверенитета оккупирующего государства на занятую его войсками территорию, а власть военной оккупационной администрации осуществляется в пределах, установленных международным правом¹.

Принципы гуманизации ведения войны впервые сформулировали и юридически закрепили Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. Так, правила ведения сухопутной войны, в частности правовой режим военного плена (военнопленные находятся во власти неприятельского правительства) и военной оккупации, определялись 4-й Гаагской конвенцией 1907 г. В договорном порядке в международном праве было закреплено понятие «вооруженные силы», которые состоят из регулярных и иррегулярных частей. В связи с этим были упорядочены вопросы партизанской войны: конвенции установили, что оккупированная неприятелем территория — это дозволенный театр военных действий (ТВД) для партизан².

Нацистская Германия, развязавшая Вторую мировую войну, преследовала цель достижения мирового господства, установления в завоеванных и зависимых странах «нового порядка», основанного на человеконенавистнической идеологии фашизма. С весны 1938 до лета 1941 г. она с помощью военной силы покорила 11 стран Западной и Центральной Европы, где почти на 2 млн кв. км проживали около 190 млн человек³. Используя их экономические, военно-технические и людские ресурсы, Германия всесторонне подготовилась и вероломно напала на Советский Союз, являвшийся для нее основным препятствием на пути к мировому господству. Ей удалось за короткое время захватить обширную советскую территорию. За три с лишним года оккупанты, хозяйничая в удерживаемых регионах СССР, вопреки соответствующим нормам международного права занимались грабежом, массовым истреблением мирного населения и военнопленных, совершая при этом чудовищные зверства. Прошедшие с тех пор десятилетия не стерли в народной памяти полные скорби дни, месяцы, годы. «Мы очень плохо знаем, что происходило с нашими людьми на захваченных немцами территориях. Большой советский миф о Войне не оставляет места для простой человеческой жизни. Мы должны в ноги поклониться тем миллионам наших соотечественников, что пережили оккупацию, не сломались, остались людьми»⁴.

К началу Великой Отечественной войны Советский Союз представлял собой огромную индустриально-аграрную державу, где на территории, составлявшей шестую часть земной суши, проживали более 100 наций и народностей общей численностью 190,7 млн человек.

Существовавший строй объединял интересы всех народов СССР. Достижения союзных и автономных республик, входивших в состав Союза, хотя и различные, во многом неравноценные, воспринимались большинством граждан СССР как преимущество социалистического строя. Важным слагаемым характерного для того времени «чувства семьи единой» была бескорыстная помощь русского народа другим народам страны. Перед войной Российская Федерация (РСФСР) с населением 110 млн человек занимала две трети территории СССР⁵.

Великая Отечественная война для советской страны началась трагически. Агрессор в период с конца июня до начала декабря 1941 г. захватил 8,7% территории Советского Союза в его предвоенных границах⁶. Это были самые высокоразвитые и густонаселенные районы европейской части страны: целиком вся Украина, Белоруссия, Молдавия, республики Прибалтики, многие области РСФСР. В этих регионах страны к началу войны проживали: по одним подсчетам, 84,9 млн человек, то есть 45% населения СССР⁷, по другим — 88 млн⁸. Удельный вес захваченных противником регионов во всем народном хозяйстве страны был весьма значительным. Именно здесь производилось 71% чугуна, 58% стали, 52% цемента, 57% тракторов, 57% проката черных металлов, 74% кокса, добывалось 63% угля, 71% железной руды. А валовая продукция сельского хозяйства составляла 54% общесоюзной: 52% зерновых культур, 86% сахарной свеклы, 70% картофеля, 56% мяса (в убойном весе), 57% молока, 60% яиц⁹. Многие миллионы граждан СССР вместе с оборудованием промышленных предприятий, имуществом колхозов и совхозов под руководством властей или самостоятельно при приближении линии фронта смогли эвакуироваться в отдаленные тыловые районы страны. Около 73 млн человек оказались в оккупации¹⁰.

Оккупационная политика нацистской Германии на советской земле существенно отличалась от проводимых носителями «нового порядка» мер в захваченных вермахтом западных странах. На Западе оккупанты насильственные меры сочетали с культивированием коллаборационизма, поддержкой местных фашистов, широко привлекали местных промышленников к сотрудничеству в проведении курса на экономическую интеграцию их стран в рамках «великогерманского пространства». На временно оккупированной территории СССР нацисты и их подручные утверждали свое господство в основном способами и методами кровавого террора. И это не результат личной жестокости чиновников военной и гражданской администрации. Террор планировался заранее как один из основных способов достижения целей, намеченных руководством нацистской Германии по отношению к населению СССР. Никаких сложностей с местным населением при реализации сформулированной фюрером сверхзадачи нацисты не предвидели. Они считали, что беспощадное насилие сделает его послушным и сговорчивым¹¹.

Деятельность немецких оккупационных властей представляла собой единый комплекс военных, политических, экономических и идеологических мероприятий. Они были направлены на постепенную германизацию наиболее благоприятных для жизни и хозяйствования районов оккупированной советской территории. В первую очередь намечалось поселить немцев в Прибалтике и Ингерманландии (имелись в виду Ленинград и прилегающие к нему районы), а также в Крыму и Таврии (юг Украины). Как писал Г. Гиммлер, эти области «должны быть тотально германизированы». Но прежде предполагалось выселить, а точнее, ликвидировать более 22 млн коренных жителей¹².

Авторы нацистских оккупационных планов предусмотрели различные способы сокращения численности местного населения, прежде всего русского. Средствам пропаганды предписывалось постоянно внушать жителям оккупированных территорий мысль, что роды очень вредят здоровью женщины. Намечалось расширить сеть абортариев, широко практиковать стерилизацию женщин, запретить обучение молодых матерей профилактическим мерам против детских инфекционных болезней, до минимума сократить подготовку детских врачей из числа русских, не оказывать никакой помощи внебрачным детям и прочее. «Для нас, немцев, — говорилось в одном из вариантов генерального плана «Ост», — важно ослабить русский народ до такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе»¹³.

Разрушенный немцами участок железной дороги в районе г. Шауляй (Литва)

Варварские замыслы лидеров Третьего рейха по уничтожению значительной части населения СССР нашли свое воплощение в конкретных приказах, распоряжениях и указаниях, которые разрабатывались командными и штабными инстанциями вермахта, а также государственными органами рейха перед нападением на СССР. Уточнялись они уже в ходе войны. В соответствии с приказом главнокомандующего сухопутными войсками В. Браухича в районе боевых действий были созданы отряды особого назначения (Sonderkommando) службы безопасности (СД) с полномочиями «применять принудительные меры в отношении гражданского населения», обеспечивать захват материальных ценностей, а также советских архивов, документов партии и общественных организаций в тыловых районах немецких армий. Причем отрядам СД предоставлялось особое право действовать по собственному усмотрению. В оперативном тылу групп армий использовались оперативные группы (Einsatzgruppe) и оперативные отряды (Einsatzkommando) СД. Их задачи были аналогичны задачам отрядов особого назначения в тыловом районе армии. При выполнении карательных функций на оккупированной территории СССР они тесно взаимодействовали с абвером (контрразведкой) и тайной полевой полицией, не говоря уже о постоянной связи с войсковыми штабами¹⁴.

В военно-экономической организации «Восток», которая занималась всеми вопросами по использованию ресурсов оккупированных территорий СССР, было около 6,5 тыс. сотрудников. В случае нужды экономическим инспекциям, управлениям и группам могли быть приданы команды по выявлению и сбору продукции сельского хозяйства и местной промышленности, а кроме того, технические батальоны для ремонта снабженческих предприятий, горнопромышленные роты, подразделения по сбору и охране жидкого топлива¹⁵. Одной из задач этой организации являлось обеспечение снабжения германских вооруженных сил, а также немецкого населения за счет «снижения внутреннего потребления России до такой степени, чтобы образовались необходимые излишки для вывоза». Предполагалось отделить черноземные зоны СССР от нечерноземных, чтобы излишки зерна с Украины и Северного Кавказа не направлять в другие районы, в том числе в такие крупные промышленные центры, как Москва и Ленинград. Захватчики вполне отдавали себе отчет, что подобные меры вызовут там голод, особенно в городах, но это их мало беспокоило. «Попытка спасти население от голодной смерти путем привоза из черноземной зоны имеющихся там излишков продуктов... — отмечалось в указаниях, — подорвала бы силу Германии»¹⁶.

Наряду с военными и государственными органами в планировании экономического грабежа СССР активно участвовали промышленники. Уже в конце 1940 г. имперская промышленная группа «ИГ Фарбениндустри», имперское объединение «Уголь» и другие крупнейшие концерны и финансово-промышленные объединения, оповещенные о предстоящем Восточном походе, начали готовиться к использованию советских ресурсов. Разумеется, особый интерес они проявляли к ресурсам энергетики, прежде всего к нефти. Крупные германские концерны разработали соответствующую документацию и даже выделили большое количество специалистов, которым предстояло реализовывать планы грабежа тех или иных регионов СССР сразу после их оккупации¹⁷. Эти документы красноречиво свидетельствуют о тесном переплетении военно-экономических целей Восточного похода с конкретными интересами промышленников. Требование самых жестких мер и беспощадной эксплуатации, пронизывавшее все экономические расчеты в отношении СССР, соответствовало установкам нацистского руководства на уничтожение Советского Союза как государства и порабощение его народа.

Осуществление колониальных планов захватчики с немецкой педантичностью начали с первых дней вторжения перекройкой границ советских республик и созданием запланированного административного управления. На практике стали реализовываться три формы административной организации. Первая — это присоединение захваченных регионов к другим государствам: район Белостока (Западная Белоруссия) — к Восточной Пруссии; Западная Украина — к Польскому генерал-губернаторству, Трансистрия (земли между Днестром и Бугом) — к Румынии, которая затем присоединила к себе Северную Буковину

и Бессарабию. Оставшуюся оккупированную территорию разделили на две зоны. Одна включала район военных действий — пространство от линии фронта до тыловых границ групп армий. Вся власть здесь была сосредоточена в руках военных командных инстанций. Им подчинялись начальники тыловых районов вместе с полевыми и гарнизонными комендатурами, охранные дивизии, отдельные пехотные и полицейские полки, охранные батальоны, прочие войска специального назначения. В этой обширной прифронтовой зоне к управлению в незначительной мере привлекались местные органы власти, но только в населенных пунктах. Территории, находившиеся за пределами театра военных действий, были отданы немецкой гражданской администрации и подчинялись восточному министерству А. Розенберга.

Согласно замыслу расчленения СССР на его оккупированных территориях предусматривалось создание четырех рейхскомиссариатов: Балтенланд (или Остланд), Украина, Кавказ, Россия (или Московия)¹⁸. Следующим звеном оккупационной администрации являлись областные комиссариаты, которым, в свою очередь, подчинялись нижестоящие административные органы. Для всех областей административное деление было типичным. Каждая делилась на округа, возглавляемые обер-бургомистрами, они объединяли семь-восемь районов. В район, имевший свою управу, входили шесть-семь волостей с волостными старшинами во главе. Прежние структуры управления сохранились только в сельской местности. Низовыми административными единицами так и остались села, деревни, поселки, хутора. Но теперь представителями власти в них были объявлены сельские бургомистры или сельские старосты. Обычно сельский староста отвечал за земли бывшего колхоза. Крупные города непосредственно подчинялись властям генерального комиссариата. Созданные там управы действовали под руководством городского головы — обер-бургомистра. В административном отношении крупные города делились на районы, как правило в старых границах, а в каждом из них функционировали районные управы со старшинами во главе.

Формируя административный аппарат, военные и оккупационные власти не гнушались услугами коллаборационистов. Среди тех, кто пошел на службу к оккупантам, были белоэмигранты, националисты, политические противники социалистического строя, недовольные советской властью и жаждавшие мести либо морально сломленные люди, разуверившиеся в возможности победы Красной армии, а потому делавшие ставку на то, чтобы выжить, а также стяжатели и авантюристы всех мастей, не говоря уже о люмпенизированных элементах общества. Они-то и стали служащими городских и районных управ, бургомистрами, старостами и их помощниками, ими пополнялись ряды вспомогательной полиции.

Жители оккупированных городов, в том числе вновь прибывшие, получали удостоверение личности сроком на два-три месяца. Его следовало своевременно продлевать, иначе грозил штраф. Удостоверение с фотографией заполнялось на местном и немецком языках и заверялось немецкой печатью, вторая фотокарточка хранилась у бургомистра. В удостоверение вносились внешние данные владельца: телосложение, рост, цвет волос и глаз, особые приметы. На удостоверении вновь прибывших ставилась немецкая буква «F» либо русская буква «Ч» («чужой»). Иногда вместо удостоверения в советский паспорт вклеивался дополнительный листок с описанием примет владельца документа. В некоторых сельских местностях немецкие власти присваивали каждому жителю номер и обязывали носить на шее бирку с этим номером. Список жильцов с указанием присвоенных им номеров должен был висеть на воротах каждого дома.

Городские администрации строго следили за ведением домовых книг, потому что прописка вновь прибывших была обязательной. Для поездки в другой населенный пункт необходимо было получить пропуск в местной комендатуре, действительный только на одну поездку. Кроме цели и сроков поездки в нем указывались личные приметы владельца. Выезд из населенных пунктов и въезд в них разрешались только по определенным дорогам. Покидать дома, особенно в городах, можно было лишь в дневное время. Генеральным и областным комиссариатам подчинялись многочисленные сыскные полицейские и специальные карательные органы: гестапо, части СС, полицейские батальоны и иные подразделения.

С самого начала войны повсюду, куда бы ни ступала нога захватчика, совершались тысячи невероятных по своей жестокости преступлений, жертвами которых становились женщины, дети, старики. Особенно свирепствовали четыре специальные карательные части — эйнзац-группы, действовавшие вслед за войсками групп армий «Север», «Центр» и «Юг». Именно они организовали «форт смерти» № 9 под Каунасом, расстреляли 100 тыс. человек в Бабьем Яру под Киевом, потопили тысячи женщин и детей в Мозырских болотах, совершили другие, не менее страшные злодеяния¹⁹.

С первых часов германской агрессии против СССР на украинскую землю потянулись оуновские формирования, в том числе пресловутый легион «Нахтигаль». 18 июня 1941 г. нахтигальевцы, одетые в форму германского вермахта, были переброшены к советской границе. Там на кресте и Евангелии они поклялись в «верности до крови» фюреру. Как известно из ряда источников, охоту на неугодных людей (прежде всего коммунистов, евреев и поляков) во Львове уже в первый день вступления в город немецких войск, 30 июня 1941 г., открыли legionеры именно из специального батальона «Нахтигаль» во главе с Т. Оберлендером, А. Герцнером и Р. Шухевичем. Фашисты намеренно оставили националистам Львов на семь дней, чтобы дистанцироваться от зверств «Нахтигалья». Legionеры в тот же день на глазах у всех расстреляли 15 человек, а 12 человек повесили на балконе Оперного театра, много людей вывезли в район Дрожжевого завода и там их расстреляли. Среди жертв были ректор Львовского университета Роман Ремской, бывший премьер-министр Польши, профессор, почетный член многих академий мира Казимир Бартель и многие другие. За первую неделю оккупации Львова каратели из зондеркоманды 4А и их пособники из «Нахтигалья» уничтожили более 5 тыс. жителей города: евреев, поляков, украинцев, русских²⁰.

Жителей и военнопленных сгоняли в лагеря смерти, ставшие неотъемлемой частью «нового порядка». Только на территории Украины и Белоруссии их было создано свыше 440²¹. Узники в этих лагерях умирали тысячами от голода и холода, непосильной работы. Их травили газами и расстреливали, применяли другие самые изуверские методы. Без суда и следствия расстреливались все представители руководящего слоя, под которым нацисты подразумевали партийный и советский актив, государственных служащих, армейских политработников. Только на территории оперативного тыла группы армий «Юг» тайная полевая полиция с октября 1941 по сентябрь 1942 г. расстреляла либо бросила в тюрьмы 35 тыс. партийных и советских активистов²².

Все население было лишено элементарных экономических, юридических и политических прав. Любой чиновник оккупационного аппарата, полицейский, офицер и солдат вермахта мог по собственному усмотрению распоряжаться жизнью советских граждан, не говоря уже об их имуществе. Смертная казнь следовала за сопротивление немецким войскам и административным органам, хранение советских листовок, распространение сообщений советского радио, срыв объявлений властей, невыполнение требований сообщать о местонахождении спрятанных красноармейцев и партизан, то есть за любые формы противодействия оккупантам. Нацисты взяли на вооружение систему заложничества и круговой поруки для подавления и искоренения малейшего противодействия «новому порядку». В соответствии с приказом начальника штаба верховного главнокомандования вермахта В. Кейтеля в случае покушения на жизнь немца от 50 до 100 мужчин и женщин из числа местного населения уничтожались способом, усиливающим «устрашающее воздействие»²³. В приказе говорилось: «С начала войны против Советской России на оккупированных Германией территориях повсеместно вспыхнуло коммунистическое повстанческое движение. Формы действий варьируются от пропагандистских мероприятий и нападений на отдельных военнослужащих вермахта до открытых восстаний и широкой войны силами банд»²⁴. Широко применялись массовые экзекуции. В Белоруссии в качестве кары за поддержку партизан было сожжено 628 деревень, из них многие вместе с людьми²⁵. Символом массового террора стала деревня Хатынь, где 22 марта 1943 г. в огне погибли 149 селян, среди них 76 грудных и малолетних детей²⁶.

Хатынь, Бабий Яр — наряду с этими широко известными названиями, ставшими синонимами изуверской жестокости оккупантов, существует множество других, до сих пор

мало кому известных. В Барановичской области была дочиста сожжена вместе с жителями группа деревень под общим названием Докуровские только за то, что власти подозревали их в связях с партизанами. Свыше 200 тыс. человек были расстреляны и закопаны в ямах неподалеку от станции Понары в Виленской области (ныне в составе Литвы)²⁷. И подобных страшных трагедий не счесть.

Обычно убийцы действовали с поразительной изобретательностью. Так, в городе Артёмовске они расправились с населением без лишних затрат, наглухо замуровав несколько тысяч стариков, женщин и детей в шахте алебастрового завода. А в г. Сталино, да и не только там, применялась специальная машина — «душегубка». Она представляла собой герметичный фургон, в котором обреченные люди погибали от поступавшего туда отработавшего газа дизеля. В Крыму фашисты под предлогом эвакуации вывозили население на баржах в открытое море, и тысячи ни в чем не повинных людей находили могилу на морском дне²⁸.

Судя по материалам Чрезвычайной государственной комиссии, поступившим из различных мест, от рук оккупантов и их приспешников пострадало огромное число мирных граждан — свыше 6 млн человек: из них на Украине — 3 178 084, в Белоруссии — 1 360 034 человека²⁹. «Не будет преувеличением сказать, — пишет итальянский историк Дж. Боффа, — что в СССР было больше жертв фашизма, чем во всем остальном мире»³⁰. В своей книге «История Советского Союза» он приводит цифру — 10 млн советских граждан, ставших жертвами оккупации. При этом ссылается на «Историю Коммунистической партии Советского Союза»³¹. Но почему основательный ученый Дж. Боффа оставляет без внимания и другую статистику: из 88 млн довоенного населения областей СССР, которые оказались под «сапогом» оккупантов, к моменту освобождения осталось 55 млн человек? Остальные были убиты, депортированы, призваны в Красную армию или эвакуированы на восток³². Впрочем, эти данные также слабо документированы, и вопрос требует дополнительного исследования. В любом случае, речь идет о миллионах людей, ставших жертвами преступных деяний захватчиков.

Количество и характер злодеяний были настолько беспрецедентными, что порой вызывали смятение даже в душах самих военнослужащих вермахта. Примечателен в этой связи трофейный документ, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации. В искренности его автора трудно усомниться: написан он в 1941 г., когда никто в Германии не сомневался в близкой победе над СССР. Речь идет о донесении командира 528-го пехотного полка майора Реслера вышестоящему начальнику. В конце июля часть, где служил майор, прибыла в Житомир. Совсем неподалеку от штаба полка он оказался свидетелем массового расстрела жителей города. «Душераздирающей», «страшной» назвал Реслер представшую перед ним картину: огромная яма была доверху заполнена трупами мужчин и женщин всех возрастов. «Я не видел ничего подобного, — пишет он, — ни в мировую войну, ни во французскую, ни в русскую кампании этой войны; я пережил много неприятного, будучи в формировании добровольцев в 1919 г., но никогда мне не приходилось видеть ничего подобного. Для меня совершенно непостижимо, на основании каких решений суда были совершены эти расстрелы; мне кажется совершенно не совместимым с нашими взглядами на воспитание и обычаи все то, что здесь происходит, когда совершенно открыто, как будто бы это происходит на сцене, человек убивает человека»³³. Изучив донесение Реслера, начальник 9-го военного округа Ширвиндт отправил его в Берлин, назвав пересылаемый документ весьма красноречиво: «Экзекуции над гражданским населением на востоке». А в сопроводительном письме написал: «В отношении поступающих сообщений о массовых экзекуциях в России я был первоначально убежден в том, что они слишком преувеличены. При сем направляю донесение майора Реслера, которое подтверждает эти сообщения. Если подобные действия будут происходить так открыто, то они могут стать известны на родине и будут подвергнуты осуждению»³⁴. Как видим, реакция далеко не высших должностных лиц вермахта на факты зверств в России была весьма различна. Майор Реслер осуждал массовые расстрелы без суда и следствия, считая их беспрецедентными по своей жестокости и антигуманными. Его начальник Ширвиндт ратовал лишь за то, чтобы массовые экзекуции не проводились столь открыто. Занимая более высокий пост, Ширвиндт, несомненно, был лучше посвящен

в истинные замыслы высшего германского руководства в отношении России и ее населения, обычно доводившиеся до исполнителей строго конфиденциально и дозированно. В отличие от менее посвященного Реслера, он, конечно, понимал, что массовые расправы над мирным населением — это не результат каких-то случайных эксцессов со стороны отдельных недисциплинированных военнослужащих вермахта, а заранее спланированные наверху действия. «Говоря по-военному, — давал указание А. Гитлер своим соратникам, — мы должны убивать от трех до четырех миллионов русских в год»³⁵.

Понимали ли сами руководители Третьего рейха преступный характер своих изуверских акций? Безусловно. Не случайно А. Гитлер на второй день после нападения на СССР заявил Й. Геббельсу: «Когда мы победим, никто не спросит нас о наших методах. У нас так много грешков, что мы обязаны победить»³⁶. И они не стеснялись в выборе средств достижения своих завоевательных целей.

Планомерно и бесцеремонно действовали оккупанты при осуществлении экономического грабежа на захваченной территории СССР, эксплуатации его производственного потенциала в интересах вермахта, сырьевого и продовольственного снабжения населения Германии. Нацистские лидеры уже не делали из этого никакой тайны: ведь положение на восточном фронте складывалось для них довольно успешно, и они считали, что маскироваться ни к чему. Такая перемена в их настроении нашла отражение и в тоне печати. Так, один из популярных в то время журналистов, член НСДАП К. Меггерле 12 октября 1941 г. цинично писал в «Берлинской биржевой газете» (*Berliner Borsenzeitung*): «Германия, представляющая собой гениальнейший организационный талант, сумеет использовать это пространство для себя... Мир может быть уверен в том, что мы сумеем добыть из этой земли, ее рудников, ее промышленности все то, что находится в них... Это пространство будет охраняться армией, которая выйдет из этой кампании еще более сильной и с еще более совершенным умением побеждать».

Наряду с сырьем для военной экономики не меньшее значение для нацистов имела сельскохозяйственная продукция. По этому вопросу главный идеолог Третьего рейха Й. Геббельс весьма откровенно высказался летом 1942 г.: «Эта война ведется не ради «трона и алтаря», не за идеалы, а «за зерно и хлеб», за хорошо накрытый к завтраку, обеду и ужину стол, за создание материальных предпосылок для решения социальных вопросов, вопросов жилищного и дорожного строительства... идет война за сырье»³⁷.

Главное сельскохозяйственное управление экономического штаба «Восток» во главу угла своей деятельности поставило не просто вывоз продовольствия из России, а осуществление специальных мер, направленных на то, чтобы спровоцировать голод среди местного населения. «Если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, — говорилось на совещании членов экономического штаба «Восток», — то, несомненно, десятки миллионов людей будут обречены на голод»³⁸. Сотрудники военно-экономической организации «Восток» руководствовались не собственными измышлениями, а специально разработанным для них документом под названием «12 заповедей об отношении к русским».

В одной из этих «заповедей» утверждалось: «Голод, бедность и нетребовательность уже давно свойственны русскому человеку». «Его желудок эластичный, — цинично поучал своих подчиненных автор сего документа Х. Бакке, статс-секретарь министерства продовольствия, — поэтому не проявляйте ненужного сострадания, не пытайтесь подходить к определению жизненного уровня русских по немецким стандартам». Он призывал относиться к русскому населению «исключительно твердо и беспощадно», постоянно иметь в виду «конечную государственную цель», исходить из того, что заново осваиваемые на Востоке земли будут «принадлежать Германии на долгие времена», что «немцы должны нести здесь знамя национал-социалистической революции в течение столетий». При проявлении малейшего сострадания к русским, предупреждал Х. Бакке, мягкотелым немцам грозит отзыв с оккупированной территории³⁹.

Одной из основных задач сельскохозяйственного управления экономического штаба «Восток» считалось постепенное освоение лучших восточных земель предприимчивыми

Снимок на память

Партизаны на марше

хозяевами из рейха. Планировалось, что германские крестьяне и ремесленники поселятся в специально созданных и по-современному оборудованных военных поселениях, а вокруг них разместятся резервации славянских «гелотов» (рабов), восстания которых предусматривалось пресекать самым беспощадным образом. За период оккупации Украины служба Г. Гимmlера создала два таких поселения. Первое под названием Хегевальд возникло в августе 1942 г. в районе Винницы, откуда власти изгнали коренное украинское население, второе — Ферстенштадт в районе Коростеня. Предполагалось, что эти военные поселения станут центрами германизации захваченных земель. Коренное население сел и деревень было занято изнурительным рабским трудом от восхода до захода солнца под контролем окружающих и районных сельскохозяйственных фюреров (руководителей), а также их пособников. По свидетельству американского историка А. Даллина, на оккупированной советской территории наделенные всеми правами 14 тыс. немецких «сельскохозяйственных руководителей» отвечали за налаживание производства и получение наибольшего количества продовольствия и сельхозсырья для Германии⁴⁰. Инструкция № 1, утвержденная 1 июля 1941 г., рекомендовала сельскохозяйственному фюреру после осмотра хозяйства (колхоза или совхоза) и изучения его состояния обратиться к деревенской общине со следующим заявлением: «Крестьяне! С сегодняшнего дня вы находитесь под защитой немецких военных властей. За свою работу вы будете получать от общинного хозяйства достаточное количество сельскохозяйственных продуктов и заработную плату наличными деньгами. Если вы этого не поймете, вам всем придется умереть с голоду.. Противодействие будет караться самым суровым военным судом»⁴¹.

Поначалу немцы попытались использовать колхозы и совхозы для того, чтобы обеспечить в своих интересах быстрое и систематическое поступление сельскохозяйственной продукции. Затем они пообещали, а в 1942 г. начали даже проводить некую «реформу», смысл которой заключался в том, что в будущем земля вновь станет частной собственностью и поступит в индивидуальное владение тех, кто хорошо себя ведет по отношению к оккупантам. «Но всерьез этих обещаний никто не воспринимал, — констатирует изучивший данный вопрос историк Ю. Арутюнян, — потому что даже те, кто, может быть, и соблазнился на подобные посулы, в конечном счете поняли, что немцы хотят лишь выиграть время и вывезти в Германию побольше добра»⁴².

15 февраля 1942 г. А. Розенберг подписал документ под названием «Новый аграрный порядок», в котором предусматривалось преобразование всех колхозов в общинные хозяйства, совхозы переименовывались в государственные имения, а МТС — в сельскохозяйственные опорные пункты. «Новый аграрный порядок» А. Розенберга предусматривал обработку земли общинного хозяйства сообща, запрещался какой-либо самовольный раздел земли. Отдельные «благонадежные» крестьяне, получившие для индивидуального пользования бывшую колхозную землю, разделенную на полосы, должны были объединиться в товарищества по обработке земли, по сути — те же коллективные хозяйства. В различных регионах оккупанты пытались осуществить аграрную «реформу» по-разному.

Так, на Украине они осторожничали, боясь резкими переменами дезорганизовать производство в этом богатейшем сельскохозяйственном регионе; в Белоруссии действовали решительнее в направлении деколлективизации, восстановления частной собственности на землю. В захваченных районах России нововведения чаще всего ограничивались тем, что увеличивались приусадебные участки, но сохранялись колхозные структуры. Администрация не случайно стремилась сохранить колхозы, изменив лишь их название. Ведь она оставляла за собой право устанавливать объемы поставок сельхозпродукции, за выполнение которых община несла коллективную ответственность. Это было гораздо удобнее, чем иметь дело с отдельными хозяевами. Крестьяне сдавали не только основную часть общинного урожая, но и платили различные индивидуальные налоги, которые взимались даже за окна, двери, «излишнюю мебель», собак, печные трубы и прочее.

Вопреки ожиданиям оккупантов «новый аграрный порядок» привел к падению сельскохозяйственного производства. Уже в 1942–1943 гг. зерновых, например, было собрано значительно меньше по сравнению с предыдущим урожаем, а в 1943–1944 гг. объем зерновых

снизились наполовину, тогда как продовольственные реквизиции немцев возросли вдвое⁴³. Несмотря на ужесточение политики, сменившей попытки заигрывания с местным населением, оккупационные власти так и не сумели достичь ожидаемого объема поставок. Сверх того, что шло на снабжение оккупационных войск, оставалось немного. Во всяком случае, не более того, что получила бы Германия без войны, пользуясь обычными каналами торговли.

Особенно тяжелым было положение сельского населения в прифронтовой зоне. Помимо работы на общинных полях крестьяне должны были постоянно обслуживать вермахт. К тому же наряду с «плановыми» налогами немцы ввели широкую систему конфискации и реквизиций, прежде всего скота и продуктов. Например, к декабрю 1942 г. население Ярцевского и Сафоновского районов Смоленщины уже не имело ни коров, ни лошадей. Немцы, вторично оккупировавшие эти районы, подчистую забрали у жителей все продукты. В деревнях десятки людей ежедневно умирали от голода и тифа. Не было ни хлеба, ни лекарств⁴⁴.

Одной из причин бедственного положения населения на захваченных территориях нередко называется требование И. В. Сталина (имеются в виду речь от 3 июля 1941 г. и приказ Ставки ВГК от 17 ноября 1941 г.) об уничтожении всех запасов продовольствия на оставляемых Красной армией землях, чтобы они «не попали в руки врага», а также о сжигании домов в прифронтовой зоне. Что правда, то правда: такие указания были. Но мало кому известен документ, где И. В. Сталин выдвигает требование иного рода, и ради объективности его тоже нужно учитывать. Речь идет о записке секретарю ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущёву от 10 июля 1941 г., в которой И. В. Сталин дает следующее указание: при вынужденном отходе частей Красной армии «в районе 70-верстной полосы от фронта увести все взрослое мужское население, рабочий скот, зерно, трактора, комбайны и двигать своим ходом на восток, а чего невозможно вывезти, уничтожить, не касаясь, однако, птицы, мелкого скота и прочего продовольствия, необходимого для остающегося населения»⁴⁵. Этот сугубо секретный документ, подписанный И. В. Сталиным, не мог преследовать какую-то пропагандистскую цель; скорее всего, это была забота о тех, кого Красная армия оставляла на произвол оккупантов. Иной вопрос: как на деле выполнялись это и другие его указания? Анализ архивных документов и материалов убеждает в том, что сельское население, даже получив какое-то количество скота и птицы из не эвакуированных продовольственных фондов колхозов и совхозов, вскоре передавало и их, и свои запасы партизанам, а остальное отнимали немцы. К сожалению, иногда и партизанские заготовители продуктов не стеснялись в выборе средств⁴⁶. Так что самим крестьянам почти ничего не оставалось, приходилось жить впроголодь.

Еще безрадостнее жилось населению городов и поселков городского типа, которое находилось в полной зависимости от оккупационных властей, новых хозяев промышленных предприятий, где только и можно было заработать средства к существованию. Вступая в города, агрессор спешил установить контроль прежде всего над промышленными предприятиями. На видных местах сразу же появлялись распоряжения на немецком и русском языках: «Порядок на данном предприятии должен быть обеспечен, и работа не может быть прервана или нарушена. Весь... инвентарь и оборудование предприятия, а также все машины, инструменты, материалы и запасы сырья конфискованы и могут быть удалены из предприятия лишь по особому на то разрешению главнокомандующего германской армией, если это будет вызвано необходимостью для продолжения производства. Нарушение данного приказа карается со всей строгостью военного закона»⁴⁷.

Оккупанты были весьма заинтересованы в том, чтобы пустить в ход кое-какие машиностроительные и военные заводы для ремонта военной техники, производства отдельных видов оружия. В апреле 1942 г. дали ток два генератора Днепрогэса⁴⁸. Максимальное число работавших предприятий приближалось к 400, а те, которые были признаны немцами бесполезными, безжалостно уничтожались. Вообще, в планах нацистов прослеживалось намерение восстановить на территории СССР экономическую структуру России 1900–1902 гг. Для работающих на производстве горожан была установлена почасовая оплата. Рабочий день продолжался 12–14 часов. Рабочий-специалист получал 2 рубля 50 копеек в час. Всех служащих разделили на пять разрядов: «А», «Б», «В», «Г», «Д». Служащему разряда «А» полагалось

900 рублей в месяц, разряда «Д» — 300 рублей (в ценах того времени). Недостаточная интенсивность труда наказывалась строгими вычетами. В случае невыхода на работу по болезни или из-за несчастного случая выплата жалования прекращалась. За знание немецкого языка следовала прибавка около 25%. За работу в районе военных действий вообще не платили. Этнических немцев определяли на привилегированную службу, а евреи вместо денежной оплаты получали только питание.

Даже квалифицированный рабочий разряда «А», получавший, казалось бы, довольно высокую зарплату, был не в состоянии прокормить себя и семью. Продукты приходилось приобретать по высоким ценам только на рынках. В письме женщины из небольшого белорусского городка, отправленном в сентябре 1942 г., говорится: «...словом, жизнь тяжелая. Если купить что-нибудь хочешь, то... это только у спекулянтов и по сумасшедшей цене. Например, сахар — 500 рублей килограмм... кусочек мыла немецкого — 80 рублей, масло, и то очень редко на деньги (как правило, в обмен на что-либо. — *Прим. ред.*), — 250–300, яички 10 шт. — 50 рублей. А как мне на мои 650 рублей... покупать?»⁴⁹.

Кстати, о каких рублях идет речь? Как ни странно, о прежних советских. Рациональные немцы не стали изымать советскую валюту. Напротив, допечатывали еще столько, сколько требовалось. И вот этими фальшивыми рублями платили зарплату всем категориям служащих. Правда, русское население, привлекавшееся немцами на самые тяжелые работы, даже таких денег не получало: ему платили обычно пайками, но при условии требуемой выработки. Словом, как в концлагере. В «трудовые колонны» Г. Геринга мобилизовали все местное население в возрасте от 14 до 60 лет. На торфоразработках в Ленинградской области работали с шести утра до темноты, за что получали 200 граммов хлеба в день. Тот же, «кто отказывается от работы, считается врагом германского государства и будет расстрелян». «Кто бы ни пытался нам честно рассказать о «повседневной жизни» «под немцем» — а все будут получаться ужасы оккупации. Ибо так оно и было»⁵⁰. А ведь речь идет не о заключенных, не об узниках концлагерей, а о «свободных гражданах будущей Великой Германии», которым были обещаны порядок и процветание.

Документальных свидетельств суровой жизни под пятой оккупантов в архивных папках хранится множество, но еще больше — в семейных архивах. Изучая их, слушая воспоминания очевидцев, лучше представляешь условия, в которых оказались наши соотечественники. Конечно, не только проблема питания волновала людей. Им надо было куда-то устроить детей, уходя на работу, решать вопросы с обучением их в школе, иметь возможность обратиться к врачу в случае болезни и прочее. Однако новым властям социальные проблемы были более чем чужды. Об этом свидетельствует массовое разрушение ими больниц, поликлиник, амбулаторий, санэпидстанций, детских яслей и садов, школ. Часто они приспособливали эти помещения для своих потребностей, а при отступлении сжигали. На Украине фашисты уничтожили свыше 500 больниц, почти тысячу поликлиник и амбулаторий, 800 аптек⁵¹.

Какой-либо системы здравоохранения на оккупированных территориях СССР не существовало. Врачи, имевшие частную практику, брали за прием в амбулатории 10 рублей, а за визит на дому — 20 рублей. За день пребывания в больнице нужно было платить 20 рублей, причем продукты питания, белье и постельные принадлежности больной должен был приносить с собой. Медикаменты можно было получить только из немецких военных госпиталей, но в ограниченном количестве и за высокую плату. Лишения и голод подтачивали здоровье людей. Как следствие, распространялись эпидемии, с которыми некому и нечем было бороться. Подобное «здравоохранение» тоже было направлено на физическое истребление советских людей⁵².

А. Гитлер, Г. Гиммлер, А. Розенберг и другие нацистские руководители считали, что на захваченных советских территориях местному населению достаточно знать лишь элементарный счет. В каждой деревне планировалось установить громкоговоритель, но не для того, чтобы информировать людей, а лишь дать им пищу для разговоров. Да и содержание передач ограничивалось самыми примитивными сведениями. Категорически запрещалось рассказывать покоренным народам что-либо из их истории. А. Гитлер заявлял на этот счет:

«Если русские, украинцы, киргизы и т. д. научатся читать и писать, то это нам может лишь навредить». В свою очередь, Г. Гиммлер в документе «Некоторые соображения об обращении с местным населением восточных областей», который А. Гитлер утвердил 25 мая 1941 г., в качестве директивы, подчеркивал, что «примитивное население и его дети не должны иметь образование выше начальной школы. Целью обучения в создаваемых так называемых «народных школах» должны были стать только простой счет, самое большее — считать до 500, умение расписываться»⁵³.

Целенаправленные усилия оккупантов по разрушению социально-культурной сферы дополнялись безудержным разграблением людских ресурсов. Возрастающие потребности рейха в рабочей силе привели к массовой принудительной депортации трудоспособного населения. По замыслу немецкого командования, ушедших на фронт граждан рейха должны были заменить рабочие руки населения захваченных стран, прежде всего СССР. На людей, как на диких зверей, устраивались облавы. Задержанных стогнали в резервации, откуда эшелонами отправляли на запад. По некоторым данным, более 4 млн 200 тыс. человек были угнаны в Германию в 1942–1944 гг.⁵⁴ Иная цифра приводилась на Нюрнбергском процессе: на работу в Германию были отправлены 4 млн 978 тыс. советских граждан. В опубликованных недавно материалах Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий приводятся более подробные данные: всего за годы войны в рейх были вывезены 4 млн 829 тыс. человек из числа гражданского населения, из них после разгрома Германии в Советский Союз возвратились 3 млн 582 тыс. человек. Можно считать, что в неволе погибли не менее 23,2% от общего числа депортированных мирных граждан⁵⁵.

Однако некоторые граждане сами выражали желание поехать на работы в Германию. О побудительных причинах рассказала на допросе Вера Васильевна Бережная, которая при немцах работала заведующей мужским отделом биржи труда г. Чистяково Донецкой области. На вопрос, действительно ли были люди, уезжавшие по доброй воле в Германию, она ответила: «Во время оккупации Чистяковского района немецкими властями были такие созданы условия, что почти каждого ожидала голодная смерть. И население было готово на все, куда угодно ехать, лишь бы спасти свою жизнь»⁵⁶. Правда, генеральный уполномоченный по мобилизации иностранной рабочей силы для рейха Ф. Заукель в марте 1944 г. признался: «Из пяти миллионов иностранных рабочих, прибывших в Германию, добровольно прибыли не более двухсот тысяч»⁵⁷.

Страшные следы опустошения и разрушений оставили оккупанты при отступлении. Хозяйственные руководители групп армий разрабатывали специальные директивы, в которых подробно указывалось, как производить эвакуацию и разрушение оставляемых материальных ценностей. Так, хозяйственный руководитель группы армий «Юг» Нагель 2 сентября 1943 г. подписал директиву, согласно которой при отступлении из Донецкого бассейна необходимо было целиком вывезти все материальные ценности, а «все, что не может быть эвакуировано, подлежит разрушению, в особенности водонапорные и электрические станции и вообще силовые и трансформаторные станции, шахты, заводские сооружения, средства производства всех видов, урожай, который не может быть вывезен, деревни и дома. Наряду с вывозом ценных машин и ценного имущества следует обратить внимание главным образом на вывоз зерна»⁵⁸. Весьма примечателен в этом отношении другой документ. В поступившем 7 октября 1943 г. в штаб 466-го пехотного полка распоряжении самым подробным образом было расписано, как и что уничтожать в случае отступления: «...следует полностью уничтожить на оставляемой территории все сооружения и запасы, которые в какой-либо степени могут оказаться полезными для врага: жилые помещения (дома и блиндажи), машины, мельницы, ветряные мельницы, колодцы»⁵⁹. Вот и сжигали дома без всякого исключения, а печи в них взрывали с помощью ручных гранат. Колодцы приводили в негодность, бросая в них падаль, навоз, кизяки. Всякого рода запасы сжигали, сельскохозяйственные машины и телеграфные столбы взрывали, паромы и лодки затапливали, разрушали мосты и минировали дороги. Усилия отступающих германских войск были направлены на то, чтобы оставляемая ими территория длительное время не могла быть использована для жизнеобеспечения. Ценой

героических усилий народ залечил нанесенные родной земле глубокие раны, но память о черных днях оккупации искоренить оказалось куда труднее.

Встретить какое-либо серьезное сопротивление в тылу своих войск командование вермахта не предполагало. Действительность оказалась иной. Через неделю после начала операции «Барбаросса», 1 июля 1941 г., начальник генерального штаба сухопутных войск Германии записал в своем дневнике: «Серьезные заботы доставляет проблема усмирения тылового района... Одних охранных дивизий совершенно недостаточно. Нам придется для этого выделить несколько дивизий из состава действующей армии»⁶⁰. Первые попытки сопротивления явились естественной реакцией людей на вторжение вермахта на советскую землю. Совместно с местным населением против захватчиков выступали солдаты и офицеры Красной армии, которые в силу различных обстоятельств оказались при отступлении на занятой противником территории.

Патриоты вступали в партизанские отряды добровольно, что, разумеется, требовало от них большого мужества. Ведь в немецких войсках действовали инструкции и наставления, в соответствии с которыми каждого партизана в случае захвата ожидала неминуемая смерть. Но недостатка в добровольцах не было. В партизаны шли мужчины и женщины, старики и даже подростки, люди разных профессий, национальностей и вероисповеданий. Поднимали людей на борьбу не только политические убеждения. Большинство боролось за освобождение Родины против нацистского «нового порядка». Многие стремились защитить или отомстить за своих родных и близких, облегчить борьбу сыновей, ушедших в Красную армию, и прочее. Побудительные мотивы были различны, но все отстаивали честь и достоинство страны. То, что население вопреки усилению террора не оставалось в стороне от борьбы и сознательно рисковало жизнью, свидетельствует о его неодолимом стремлении к свободе и вере в победу правого дела.

Широкомасштабная народная война развернулась не сразу. Первые месяцы были лишь начальным этапом сопротивления оккупантам. В СССР к 1941 г. не было ни заблаговременно разработанной концепции партизанской борьбы, ни подготовленных к ее ведению кадров. Дело в том, что со второй половины 1930-х гг. на советское руководство немалое влияние оказывала установка, согласно которой в случае агрессии враг должен быть разбит на его собственной территории. Многие военачальники, уделявшие внимание взаимодействию регулярных войск с партизанами, были в 1930-х гг. репрессированы.

29 июня 1941 г. в директиве Совнаркома и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей содержалось указание о развертывании партизанского движения и подпольной борьбы. 18 июля вышло специальное постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск». Постановление осуждало тех руководителей партийных и советских организаций, которые бросали свои посты, бежали в тыл, и требовало незамедлительно приступить к формированию партизанских отрядов и диверсионных групп из числа преданных советской власти беспартийных и коммунистов. 3 июля 1941 г. из речи И. В. Сталина, прозвучавшей по радио, стал известен призыв партии и правительства к развертыванию партизанского движения.

Однако ни в секретных директивах, ни в речи И. В. Сталина еще не затрагивались вопросы практической организации партизанского движения, обеспечения борьбы в тылу противника вооружением, средствами связи, взаимодействия партизанских отрядов и подполья с Красной армией. Поэтому в начале войны большинство партизанских отрядов возникало стихийно. Их, как правило, создавали командиры Красной армии, оказавшиеся в окружении вместе со своими подчиненными, а также бежавшие из плена. В отряды наряду с красноармейцами-окруженцами вступали и местные жители. Часть партизанских отрядов была создана местными партийными и советскими органами. Командиры стихийных партизанских отрядов искали связь с Большой землей, направляли связных через линию фронта.

Партизаны действовали на этом этапе чаще всего самостоятельно, сообразуясь с обстановкой. Среди организаторов первых партизанских отрядов были: Г. Бумажков, В. Корж в Белоруссии, И. Боровик, С. Ковпак на Украине, П. Столяренко, В. Тиден в Карелии

и многие другие. Отряды, возникавшие стихийно, укреплялись благодаря поддержке местного населения. В результате борьба против опытного, хорошо вооруженного врага за сравнительно короткий срок из отдельных очагов сопротивления постепенно перерастала в массовое народное движение. Большую роль в развертывании партизанского движения сыграли войска НКВД.

Однако без организаторских действий и всесторонней помощи высших органов политического и военного руководства страны быстрое расширение масштабов партизанского движения, скорее всего, было бы невозможно. Уже в июле 1941 г. Ставка Главного командования, Генеральный штаб, Главное политическое управление РККА обязали военные советы и политические управления фронтов оказывать всемерную поддержку республиканским и областным комитетам партии в создании, вооружении и обучении партизанских отрядов и диверсионных групп, а также в переводе их за линию фронта в тыл противника и установлении с ними связи.

К этой работе были привлечены центральные и местные органы внутренних дел и государственной безопасности (НКВД — НКГБ). Они содействовали вооружению и материально-техническому обеспечению партизанских отрядов, передавали партизанам опыт разведывательной и контрразведывательной деятельности, конспирации и связи, предохраняли от проникновения в их среду шпионов. Нередко на положение партизанских отрядов переходили истребительные батальоны, находящиеся в ведении НКВД.

Наряду с командованием Красной армии органы НКВД засылали через линию фронта специально подготовленные группы для организации партизанской борьбы, которые становились организационным ядром вновь создаваемых отрядов. Они пополнялись красноармейцами, бежавшими или освобожденными партизанами из фашистского плена, а также местными жителями. По состоянию на 18 апреля 1942 г. на учете НКВД находилось 1798 партизанских отрядов (70 796 бойцов и командиров) и 1153 разведывательно-диверсионные группы (7143 разведчика и подрывника)⁶¹.

За годы войны органами безопасности было организовано 1848 партизанских отрядов как на оккупированной территории СССР, так и за его пределами. Только НКГБ Белоруссии в 14 районов направил партизанские отряды общей численностью 1162 человека. В их составе были 539 оперативных и руководящих работников НКГБ и 623 работника НКВД⁶².

Большую роль в становлении партизанских отрядов сыграли советские военнослужащие, попавшие в окружение, но избежавшие плена или бежавшие из него. Численность таких партизан в Ленинградской области в 1941 г. составляла 18%, в Орловской области — 10%, в Литовской ССР — 22%, в Белоруссии — более 10%. Они приносили в партизанские отряды дисциплину, знание оружия и боевой техники. Опираясь на их боевой опыт, партизаны более уверенно и эффективно решали свои задачи. К концу 1941 г. на оккупированной врагом территории закрепились и развернули борьбу почти 3,5 тыс. партизанских отрядов и групп, насчитывавших около 90 тыс. человек⁶³.

В годы войны ряд законодательных актов определил правовое положение партизан: они были приравнены к военнослужащим Красной армии. По состоянию на 15 февраля 1944 г. 3408 партизанам были присвоены очередные офицерские звания, а самым заслуженным из них — генеральские: В. А. Бегме, М. И. Дуке, С. А. Ковпаку, И. П. Кожару, В. И. Козлову, С. В. Рудневу, А. Н. Сабурову, А. Ф. Фёдорову, В. Е. Чернышёву и другим⁶⁴. Семьям партизан выплачивались государственные пенсии и пособия. Быт и внутренний распорядок жизни в базовом лагере также строился на требованиях уставов, используемых Красной армией. В большинстве партизанских формирований поддерживалась строгая воинская дисциплина. Виновные в мародерстве или уличенные в других тяжких преступлениях строго наказывались, вплоть до расстрела.

Партизаны наносили противнику все более чувствительные удары. Со времени Московской битвы они начали взаимодействовать с регулярными войсками Красной армии. Во время контрнаступления под Москвой партизаны дезорганизовали снабжение немецкой группы армий «Центр», разрушив в ее тылу участки железных дорог, мостов, устраивая завалы

и засады на шоссейных и грунтовых дорогах. Командующий группой армий фельдмаршал Ф. фон Бок видел в их деятельности одну из причин поражения немецких войск.

30 мая 1942 г. было принято решение Государственного Комитета Обороны о создании Центрального штаба партизанского движения. Начальником ЦШПД был назначен первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко. Одновременно при военных советах фронтов были созданы штабы по руководству партизанским движением: Карело-Финский, Ленинградский, Калининский, Западный, Брянский, а при Военном совете Юго-Западного направления — Украинский. В результате этих мер существенно улучшились организация борьбы в тылу врага, обеспечение партизанских отрядов средствами связи, боеприпасами, взрывчаткой. Повысились размах и эффективность боевых действий. Созданные впоследствии республиканские, краевые и областные штабы партизанского движения позволили ЦШПД управлять действиями партизанских сил как в полосах фронтов, так и на всей оккупированной территории — от линии фронта до западных границ СССР.

И. В. Сталин считал, что партизанское движение должно стать всенародным, и это нашло свое выражение в приказе НКО СССР от 5 сентября 1942 г., который подвел итоги совещаний партизанских функционеров⁶⁵. А на следующий день был учрежден пост главкома «для сосредоточения ответственности, централизации руководства партизанским движением»⁶⁶. Эту должность занял член ГКО маршал К. Е. Ворошилов. Ему же подчинялся и ЦШПД. Однако уже в ноябре 1942 г. К. Е. Ворошилова назначили представителем Ставки ВГК, а прежняя его должность 19 ноября 1942 г. была упразднена. С упразднением поста главкома вся полнота ответственности за руководство партизанским движением легла на ЦШПД. Вместе с тем его деятельность из-за межведомственных трений и отсутствия опыта разворачивалась с немалыми трудностями. Центральный штаб партизанского движения просуществовал всего полтора года, причем с мая по ноябрь 1942 г. он дважды претерпел крупные организационно-штатные изменения. В марте 1942 г. ЦШПД был вообще упразднен, хотя через месяц восстановлен (при этом из него стараниями Н. С. Хрущёва вывели Украинский ШПД, переподчинив непосредственно Ставке ВГК), а окончательно упразднен в январе 1944 г.

С лета 1942 г. руководство вермахта приняло меры по активизации борьбы с партизанами. Эта задача была возложена и на командование сухопутных войск Германии. Для этого использовалось до 10% немецких дивизий, находившихся на советско-германском фронте. В 1943 г. против партизан действовало 25 армейских дивизий, а также немало специальных и полицейских формирований, в том числе состоявших из перебежчиков. Эти «добровольцы» с приближением конца Третьего рейха, пытаясь загладить вину перед Родиной, нередко целыми частями с оружием переходили на сторону партизан. Несмотря на значительные потери, численность партизан постоянно росла. К концу 1942 г. в тылу врага действовало 1770 партизанских отрядов и бригад, в которых насчитывалось 125 тыс. человек⁶⁷. В 1943 г. начался бурный рост партизанских сил. К концу этого года они увеличились вдвое, достигнув 250 тыс. человек.

1943 г. стал переломным не только в вооруженной борьбе на фронте, но и в тылу врага. Обогащенные боевым опытом, организационно и материально окрепшие партизанские формирования действовали не раз от разу, а уже непрерывно на всей оккупированной территории. Партизаны участвовали во всех крупных операциях, проводимых Красной армией. Перед ними, как и войсками, ставились конкретные боевые задачи. Партизаны вносили существенный вклад в успех операций. На размах и эффективность партизанской борьбы решающее влияние оказали победы, одержанные Красной армией в битвах под Москвой, Сталинградом, Курском и других крупномасштабных операциях.

Деятельность партизан была направлена на решение широкого спектра чрезвычайно важных задач. Они нарушали коммуникации противника, совершали боевые рейды в его глубокий тыл, обеспечивали командование Красной армии важными разведывательными сведениями, которые способствовали успеху наступательных операций, и прочее. Наиболее крупной была проведенная в 1943 г. партизанами операция «Рельсовая война» (приказ об операции был подписан 14 июля 1943 г.), которая стала составной частью битвы под Курском.

Партизанская разведка

И женщинам пришлось взяться за оружие

Орловские партизаны в ночь на 22 июля 1943 г. разрушили 5845 рельсов. Общая операция началась в ночь на 3 августа. Центральный штаб партизанского движения привлёк к участию в этой операции более 160 партизанских бригад и отдельных отрядов (около 100 тыс. человек). За первую ночь операции было взорвано более 42 тыс. рельсов, а всего в ходе операции — 215 тыс. рельсов. Только в Белоруссии партизаны пустили под откос 836 эшелонов и три бронепоезда. Некоторые железнодорожные магистрали были выведены из строя на длительный срок, что создало серьезные препятствия для отступавших немецких войск.

Свидетельством силы и размаха народной войны были партизанские края — большие территории, освобожденные от оккупантов и долгое время удерживаемые партизанами. Первый партизанский край возник в октябре 1941 г. в Ленинградской области. На его территории в 11 тыс. кв. км находилось 400 деревень. В январе — феврале 1942 г. партизаны Смоленской области в тылу группы армий «Центр» освободили 40 сел и деревень, где сразу же десантировались советские воздушно-десантные войска. Они отбили у противника Дорогобуж и объединились с соединениями Красной армии, совершавшими рейды в тылу немецких войск. В ходе этих боев была освобождена территория около 10 тыс. кв. км. Немецкое командование было вынуждено бросить на борьбу с партизанами семь дивизий.

Затем партизанские края возникли в Калининской, Орловской, Курской областях, в Белоруссии, на севере Украины, в Крыму и других местах. Летом 1943 г. партизаны стали полными хозяевами шестой части всей оккупированной территории. Здесь трудились в интересах победы над врагом и жили по советским законам, по неполным данным, около 4 млн граждан, работали восстановленные органы советской власти. Отсюда через линию фронта на Большую землю переправлялись призывники для службы в Красной армии, подростки для обучения в ремесленных училищах, дети-сироты в детские дома. Эти края ограничивали полосы отхода врага, затрудняли маневр и перегруппировку его войск, размещение резервов, баз снабжения, командных пунктов.

Непосредственно к партизанским краям примыкали партизанские зоны. Там гитлеровцы удерживали лишь часть населенных пунктов, наиболее крупных и важных в оперативном отношении. Но их гарнизоны чаще всего оказывались изолированными друг от друга, так как коммуникации, связывавшие эти гарнизоны, находились под постоянным воздействием партизан. Военная и административная власть оккупантов в этих зонах носила часто формальный характер, а потому население активно поддерживало партизан, которые немало сделали, чтобы воспрепятствовать массовому угону советских людей оккупантами на принудительные работы в Германию.

В годы войны во вражеском тылу действовали коммунистическое подполье и созданные под его руководством в городах и поселках боевые антифашистские комсомольско-молодежные организации. Подпольщики распространяли среди населения газеты и листовки, которые получали с Большой земли или издавали своими силами. В них содержалась информация о положении на фронте и в советском тылу, разоблачались нацистский оккупационный режим и его лживая пропаганда. Важной функцией подполья было обеспечение партизан разведывательной информацией, снабжение их медикаментами, оружием, боеприпасами. В сентябре 1943 г. подпольщики казнили наместника А. Гитлера в Белоруссии гауляйтера В. Кубе, виновного в уничтожении многих тысяч советских граждан. С помощью подполья легендарный советский разведчик Н. И. Кузнецов ликвидировал заместителя рейхскомиссара Украины Г. Кнута и ряд других немецких военных преступников.

Важное место в деятельности подпольщиков занимала организация саботажа и диверсий на захваченных советских промышленных предприятиях. Эта форма борьбы активно развивалась благодаря участию в ней множества рабочих. В октябре 1941 г. начальник диверсионной службы вермахта на южном участке советско-германского фронта Т. Оберлендер доносил в Берлин, что гораздо большей опасностью, чем активное сопротивление партизан, является пассивное сопротивление — трудовой саботаж, в преодолении которого оккупационные власти имеют еще меньше шансов на успех. Промышленные гиганты, построенные до войны на Украине, так и не были введены в строй оккупантами, а шахты Донецкого бас-

После удачно проведенной операции

И стар, и млад встали на защиту Отчизны

Бойцы партизанского отряда отправляются на задание

В партизанском строю

сейна бездействовали. Германское руководство не смогло использовать многие советские фабрики и заводы для обеспечения собственных военно-экономических нужд. Массовый саботаж населением мероприятий оккупационных властей, действия вооруженных партизанских формирований и подпольных организаций — все это превратило оккупированную территорию в арену ожесточенной битвы с захватчиками.

Народная борьба в тылу немецких войск — одна из ярких страниц Великой Отечественной войны. Она, образно говоря, являлась своего рода вторым фронтом — фронтом за линией фронта, в тылу противника, имела большое военное, политическое и экономическое значение. В военном отношении оно заключалось в том, что партизанское движение, народная борьба в тылу врага являлись важным фактором, учитывавшимся в стратегических планах советского Верховного главнокомандования и принимавшимся в расчет при разработке крупных наступательных операций. Партизанским соединениям ставились конкретные боевые задачи.

Потери противника в результате действий партизан и подпольщиков достигли миллиона человек. Партизаны пустили под откос более 20 тыс. эшелонов, подорвали 120 бронепоездов, вывели из строя почти 17 тыс. паровозов и 171 тыс. вагонов, взорвали 12 тыс. мостов на железнодорожных и шоссейных дорогах, уничтожили или захватили свыше 65 тыс. автомашин. Общее число партизан достигло 2,8 млн человек⁶⁸ (из них 1,5 млн — партизанский резерв, который не принимал участия в боях из-за недостатка оружия). Их поддерживали 220 тыс. подпольщиков⁶⁹. Вместе с советскими партизанами на временно оккупированной территории СССР сражались тысячи иностранных граждан: поляков, словаков, чехов, венгров, болгар, испанцев, югославов и других. В то же время в европейском движении Сопротивления участвовали до 50 тыс. граждан СССР, оказавшихся за пределами своего Отечества⁷⁰.

Временно оккупированная территория СССР не стала для захватчиков обеспеченным и спокойным тылом. Их расчеты заставить советских людей безропотно работать на германский рейх не оправдались. Советское государство высоко оценило заслуги партизан и подпольщиков. За героизм и мужество более 300 тыс. партизан были награждены орденами и медалями, 249 человек удостоились звания Героя Советского Союза, а двое руководителей партизанского движения — С. А. Ковпак и А. Ф. Фёдоров стали дважды Героями. Их имена вошли в историю⁷¹.

Нельзя не отметить еще одну очень важную особенность партизанского движения. Оккупанты столкнулись в России с массовым детским и подростковым героизмом. Четверо ребят были удостоены звания Героя Советского Союза: Лёня Голиков, Марат Казей, Валя Котик, Зина Портнова. Число представленных к более скромным наградам исчисляется тысячами⁷².

Борьба продолжалась и в плену

В ходе вооруженной борьбы, особенно в 1941—1942 гг., большое количество советских бойцов и командиров оказались во вражеском плену. Большинство немецких источников определяет их число в 5,2—5,7 млн человек. Однако это явно завышенная цифра. Дело в том, что помимо военнослужащих в лагеря направлялись также мужчины и женщины, имевшие хотя бы косвенное отношение к армии: обслуживающий персонал военторгов и банно-прачечных отрядов, мобилизованный на строительство оборонительных рубежей, призванные, получившие повестку из военкомата, и другие. В соответствии с приказом главной ставки от 8 июля 1943 г. «все мужчины в возрасте от 16 до 55 лет, захваченные в зоне военных действий, армейском тылу, восточных комиссариатах, генерал-губернаторстве и на Балканах, считаются с сего числа военнопленными. Это же относится к мужчинам во вновь завоеванных областях востока. Они должны быть пересланы в лагеря военнопленных, а оттуда — на работы в Германию»⁷³.

По данным комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий, за годы Великой Отечественной войны в фашистском плену оказались 4070 тыс. советских граждан: в 1941 г. — 2 млн (49%), в 1942 г. — 1339 тыс. (33%), в 1943 г. — 487 тыс. (12%), в 1944 г. — 203 тыс. (5%), в 1945 г. — 40,6 тыс. человек (1%)⁷⁴. Эти данные незначительно отличаются от расчетов Генерального штаба — 4059 тыс. человек⁷⁵. Большинство честно выполняли свой долг перед Родиной и заслуживают нашей благодарной памяти.

Пленные были во всех войнах. Однако их правовое положение нигде и ничем не было определено, а судьба целиком зависела от степени цивилизованности, политической и нравственной позиции пленившей стороны, колебавшейся от откровенного произвола до подлинно рыцарского отношения.

Советские военнопленные с самого начала оказались в сложнейшем правовом положении. Руководство СССР стремилось всеми мерами предотвратить даже единичные случаи сдачи в плен. Боевые уставы Красной армии такой возможности вообще не допускали, а уголовный кодекс рассматривал сдачу в плен как тяжкое преступление. Следует сказать, что с началом войны советское руководство предприняло некоторые меры к правовому регулированию проблемы военнопленных. Оно провело ряд переговоров с председателем Международного комитета Красного Креста. Общий смысл заявления сводился к тому, что советское правительство считает необходимым подчеркнуть: в войне с напавшей на СССР фашистской Германией Советский Союз имеет дело с таким врагом, который систематически грубо нарушает все международные договоры и конвенции, и это обстоятельство ставит советское правительство перед необходимостью соблюдать указанную выше Женевскую конвенцию в отношении фашистской Германии лишь постольку, поскольку эта конвенция будет соблюдаться самой Германией⁷⁶. 17 июля 1941 г. советское руководство через правительство нейтральной Швеции довело до сведения Берлина предложение взаимно соблюдать Гаагскую конвенцию от 18 октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны⁷⁷. Ответа на него получено не было, нацисты не собирались следовать 23-й статье этой конвенции, по которой обязаны были сохранять военнопленным жизнь.

1 июля 1941 г. Совет народных комиссаров своим постановлением утвердил «Положение о военнопленных», статьи которого строго соответствовали положениям Гаагской и Женевской конвенций⁷⁸. Этим документом советское правительство гарантировало военнопленным жизнь и безопасность, а раненым и больным — медицинскую помощь. Всем им сохранялись военная форма, ордена, личные вещи и ценности, а высшему офицерскому составу — холодное оружие. Должностным лицам запрещалось оскорблять военнопленных, жестоко обращаться с ними. Это постановление в течение всей войны являлось основным юридическим документом, который определял порядок содержания военнопленных и обращения с ними в советских лагерях.

Между тем советские военнопленные оказались полностью предоставлены собственной судьбе, а она была ужасающей. Не было ни одной статьи Гаагской и Женевской конвенций, которую самым циничным образом не нарушали бы нацисты, когда речь заходила о советских военнопленных. Особую жестокость к советским военнопленным руководство Германии пыталось оправдать тем, что с точки зрения международного права у него нет каких-либо обязательств перед СССР, не ратифицировавшим ни Гаагскую, ни Женевскую конвенции о законах и обычаях войны. Но, подписав Женевскую конвенцию, Германия, согласно ее 82-й статье, была обязана соблюдать гуманные принципы обращения с военнопленными вне зависимости от того, являются их страны участниками конвенции или нет. Обвиняя Советский Союз, нацисты умалчивали, что в «Положении о военнопленных», утвержденном Советом народных комиссаров 1 июля 1941 г., СССР объявил о строгом соблюдении международных документов, касающихся участи военнопленных. Германскому руководству это было хорошо известно: переведенный на немецкий язык текст «Положения...» был представлен ему начальником управления разведки и контрразведки ОКВ адмиралом В. Канарисом уже 15 сентября. В прилагаемой к переводу докладной записке В. Канарис подчеркивал, что

содержание советского документа «соответствует основным положениям общего международного права и, более того, положениям Женевского соглашения о военнопленных»⁷⁹. В установке на уничтожение советских военнопленных адмирал усматривал угрозу многих вредных последствий для Германии как в политической, так и военной областях.

В то же время никто не может опровергнуть тот факт, что Советский Союз никогда не применял никаких репрессий по отношению к какой-либо категории немецких военнопленных. Никто не может утверждать, будто русские убивали немецких солдат или офицеров за их принадлежность к нацистской партии, службам или войскам СС и прочее. Ни о каких судах над советскими военнопленными, разумеется, и речи не было. В соответствии с директивой «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» решение о судьбе военнопленных имел право принимать каждый офицер, обладавший дисциплинарной властью, то есть начиная с командира взвода. И они не церемонились: расстрелы намеченных категорий пленных приняли всеобъемлющий характер.

Не лучше складывалась судьба у сотен тысяч советских военнопленных, оказавшихся в лагерях: гитлеровская машина уничтожения исправно работала во всех своих звеньях. Задавшись целью организованного и массового истребления советских военнопленных, фашисты сознательно оставляли их без крова, одежды, пищи. Наиболее «опасных», с точки зрения нацистов, военнопленных уничтожали немедленно — пулей и виселицей, остальных — созданием в лагерях обстановки, исключавшей даже примитивные условия существования.

Обычно лагерем называлось огороженное колючей проволокой поле, находящееся под прицелом пулеметов. На строительство бараков зачастую не выделялось никаких средств. Чтобы укрыться от непогоды, люди руками выкапывали себе норы. «В лагере для военнопленных в Минске, расположенном на территории размером с площадь Вильгельмплац, находится приблизительно 100 тыс. военнопленных и 40 тыс. гражданских пленнх, — говорилось в записке рейхслайтеру А. Розенбергу его советника Ю. Дорша, — пленные, загнанные в это тесное пространство, едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные потребности там, где стоят. Военнопленные, проблема питания которых едва ли разрешима, живут по шесть — восемь дней без пищи, в состоянии животной апатии, вызванной голодом, и у них одно стремление: достать что-либо съедобное. Гражданские пленные в возрасте от 15 до 50 лет — жители Минска и его окрестностей. Эти гражданские пленные снабжаются питанием своими родственниками. Правда, питание получают только те, родственники которых с утра до вечера стоят с продуктами в бесконечных очередях, тянущихся к лагерю. Ночью голодающие гражданские нападают на получивших передачу, чтобы силой добыть себе кусок хлеба»⁸⁰.

В плену советские солдаты и офицеры получали питание, заведомо недостаточное для выживания. Им выделялось вдвое меньше продуктов, чем военнопленным из других стран, и всегда худшего качества. 6 августа 1941 г. командованием вермахта была подписана директива о снабжении советских военнопленных. В соответствии с ней те, кто использовался на работах, получали в день по 200 граммов хлеба, 13 граммов мяса, 15 граммов жиров, 20 граммов сахара. В той же директиве эти мизерные нормы издевательски называются «достаточными по врачебному заключению»⁸¹. 21 октября 1941 г. генерал-квартирмейстер сухопутных войск Э. Вагнер отдал распоряжение о резком сокращении норм питания военнопленным, находящимся в прифронтовых районах. Касалось оно прежде всего ослабленных и нетрудоспособных, вызвав их массовую гибель. О качестве выдаваемых продуктов нагляднее всего говорят рекомендации министерства снабжения, утвержденные 24 ноября 1941 г. В соответствии с ними специально для русских применялась весьма своеобразная смесь: 50% ржаных отрубей, 20% отжимок сахарной свеклы, 20% целлюлозной муки и 10% муки, изготовленной из соломы или листьев, которая тем не менее называлась хлебом. Что касается мяса, то, по мнению нацистов, «русские должны снабжаться кониной и малопригодным к употреблению мясом»⁸².

На совещании Ф. Гальдера с командующими группами армий, состоявшемся в Орше 13 ноября, командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Ф. фон Бок спросил, что

ему делать с русскими военнопленными, которые из-за истощения неспособны выполнять требуемую работу? «Неработающие военнопленные в лагерях для военнопленных должны умереть от голода», — ответил Э. Вагнер⁸³. Не лучше было положение и тех военнопленных, кого угоняли в Германию. Они также обрекались на быструю гибель от непосильного труда, голода и отсутствия медицинского обслуживания, из них на чужбине умерли не менее 2 млн.

Концентрационные лагеря, созданные еще в начале 1933 г. для борьбы с врагами режима, подчинялись ведомству Г. Гимmlера и являлись, по существу, «фабриками смерти». Они располагали всеми средствами массового умерщвления людей: газовыми камерами, крематориями, обширными лабораториями для преступных медицинских экспериментов и прочим. Число концлагерей в Германии непрерывно росло. Если к началу Второй мировой войны их было всего шесть, то уже к апрелю 1942 г. — 15, а к апрелю 1944 г. — 20 с сотнями филиалов. Зловещую память в истории оставили такие гигантские лагеря смерти, как Освенцим, Дахау, Бухенвальд, Майданек, Нейенгамме, Треблинка, Штуттоф, Маутхаузен, Заксенхаузен, Собибур, женский лагерь Равенсбрюк, и многие другие. В каждом из них были замучены десятки, а то и сотни тысяч узников из разных стран, в том числе советские люди, в основном военнопленные. А ведь советские военнопленные тысячами гибли и в других лагерях.

С середины 1942 г. Германия стала испытывать серьезные затруднения с рабочей силой. Растущие потери войск на восточном фронте вынуждали призывать в армию все новые контингенты мужского населения. Из промышленности, транспорта, сельского хозяйства уходили все больше и больше мужчин, заменить которых было практически нечем. В лихорадочных поисках путей преодоления дефицита рабочей силы гитлеровское руководство среди прочих мер обратило взоры и на советских военнопленных. Г. Геринг на одном из совещаний сформулировал указания об использовании советских военнопленных на работах. Рейхсмаршал педантично определил, где им работать, как одевать («обувь, как правило, деревянная», «нижнее белье русским едва ли известно и привычно»), как кормить («русские довольствуются малым»), как наказывать («шкала наказаний предусматривает лишь две меры — лишение питания и экзекуцию на месте»)⁸⁴. Эти указания легли в основу целого ряда документов, регламентировавших обращение с советскими военнопленными, занятыми на работах.

Руководство СС было заинтересовано в том, чтобы поставлять промышленности как можно большее количество узников. За каждого из них монополии переводили в кассу службы безопасности определенную сумму. В первую очередь за счет военнопленных удовлетворялись потребности предприятий, находившихся под патронажем СС, а также такие гиганты военной промышленности, как концерны «Герман Геринг», «Гуго Шнайдер», Круппа, Мессершмита, Хейнкеля, и другие, производившие танки и штурмовые орудия, артиллерию всех калибров, боевые самолеты и прочее. Что же касается военнопленных, числившихся за вермахтом, то они в массовом количестве направлялись на самые тяжелые работы в горнорудной, химической и строительной промышленности.

Безмерно трагична судьба советских военнопленных в Германии. Видимо, никогда уже не удастся установить их подлинное количество. Но еще меньше надежды определить число советских воинов, погибших в немецком плену: расстрелянных, повешенных, умерших от голода, болезней и лишений, отравленных в газовых камерах, замученных во время «медицинских» опытов. Но даже те цифры, которые удалось установить на основании имеющихся данных, не могут не заставить содрогнуться каждого нормального человека. На 1 мая 1944 г. из 5,75 млн советских военнопленных, по немецким же данным, в лагерях умерли 1,981 млн человек, 1,03 млн убиты «при попытке к бегству» или переданы гестапо для «ликвидации», 280 тыс. погибли в пересыльных пунктах и лагерях⁸⁵. А ведь впереди был еще год войны! Таково практическое воплощение нацистской идеологии, имеющей, к сожалению, и сегодня своих приверженцев и adeptов.

Между тем крах нацистской Германии неотвратимо приближался. В предсмертной агонии нацисты, оставаясь верны себе, предпринимали последние судорожные шаги по уничтожению пленных. Всего за две недели до конца войны Г. Гимmlер отдал изуверский приказ: колонны узников из лагерей Заксенхаузен, Флоссенбург, Равенсбрюк, Нейенгамм и других,

расположенных на территории Германии, направить на север, к побережью, а там посадить на баржи и утопить в водах Балтийского моря⁸⁶. Гигантские колонны пленных двинулись по дорогам Германии. Отставших или выбившихся из сил пристреливали. Но последний чудовищный приказ Г. Гиммлера до конца не был выполнен: Германия пала.

Многие советские воины бежали, едва оказывались в плену, не желая мириться с нацистским адом. Даже по далеко не полным данным, с 1941 по 1944 г. из почти 4 тыс. лагерей на территории самой Германии и оккупированных вермахтом стран бежали около 450 тыс. советских военнопленных. Не всем повезло: многие были схвачены полицией, выданы местными жителями, убиты при преследовании, но тысячи добились своего. Чаще всего побег удавался в том случае, когда лагерь находился на территории Франции или Италии. Куда сложнее было совершить его находившимся в Германии. Но и это удавалось самым смелым. Поистине героическим был побег советского летчика М. Девятаева и девяти его товарищей, узников лагеря на острове Узедом. 8 февраля 1945 г. при работе на аэродроме они завладели немецким бомбардировщиком, на котором и перелетели в расположение советских войск.

Многие из удачных побегов советских военнопленных положили начало активному участию их в движении Сопротивления. В партизанских отрядах, подпольно-диверсионных группах в Польше, Чехословакии, Франции, Италии и других странах Европы сражались, по неполным данным, свыше 40 тыс. граждан СССР⁸⁷. В одной только Франции действовало около 40 партизанских отрядов и почти столько же небольших групп, которые насчитывали почти 4 тыс. советских людей⁸⁸. Некоторые из них стали национальными героями, награждены высшими воинскими наградами этих стран: во Франции — В. Порик, в Италии — Ф. Полетаев, в Югославии — А. Дьяченко и Мехти Гусейн-заде, в Болгарии — И. Вальчук.

Но и многие из тех, кто не мог бежать, сопротивлялись кровавому режиму. Об этом говорят многочисленные немецкие документы военной поры, особенно документы гестапо. Вот что указывалось в «Сообщении о важных государственно-политических событиях» № 2 от 11 августа 1944 г.: «Руководство гестапо в Ганновере выявило в одном из советско-русских лагерей военнопленных офицеров подпольную группу «Центрального комитета советско-русских военнопленных». В планах группы были оказание помощи десантным войскам, захват оружия, пропаганда, саботаж, подготовка к побегу и установление контактов с немецкими коммунистами. Центральный комитет предположительно был образован в декабре 1943 г.⁸⁹ К тому времени гестапо выявило такие организации в 41 лагере, причем численность тех, кто дерзнул бороться и за колючей проволокой, в разных лагерях колебалась от нескольких человек до нескольких сотен.

Особую моральную стойкость и организаторские способности проявили такие известные командиры Красной армии, как, например, генерал-лейтенант инженерных войск Д. М. Карбышев, который погиб смертью мученика в концлагере Маутхаузен зимой 1945 г., генерал-лейтенант М. Ф. Лукин, командующий 19-й армией. В плен он попал тяжелораненым и без сознания. В немецком госпитале ему ампутировали руку и ногу. Но, даже став инвалидом, генерал М. Ф. Лукин не пал духом, а принял самое активное участие в организации и работе лагерного подполья.

Одной из форм сопротивления узников лагерей было всяческое противодействие попыткам немцев укомплектовать так называемую Русскую освободительную армию. Эмиссары А. А. Власова и сам командующий РОА со второй половины 1943 г. активно разъезжали по лагерям советских военнопленных, вербуя добровольцев в ее ряды. Этим мерам патриоты сопротивлялись и поодиночке, и организованно. Подпольную организацию в Хаммельбурге возглавлял генерал И. С. Никитин, бывший командир 6-го кавалерийского корпуса. Она проводила большую разъяснительную работу среди офицеров и генералов этого лагеря, чтобы помешать власовцам пополнить ряды РОА за счет их. Сам И. С. Никитин, воспользовавшись тем, что немцы, явно рассчитывая на успех, доверили ему выступить перед тысячами военнопленных, согнанных на митинг, заявил: «Я, советский генерал, коммунист, гражданин Советского Союза, своей Родине не изменю ни при каких обстоятельствах. Твердо уверен, что моему примеру последуют все»⁹⁰. Генерал знал, на что идет. Он понимал, что нацисты его

немедленно расстреляют. Но им двигали любовь к Родине, чувство долга, а также уверенность, что его поступок найдет самый живой отклик в душах его товарищей по несчастью. Так и случилось. После гибели И. С. Никитина организацию возглавил генерал-майор Г. И. Тхор, ветеран советских ВВС, бывший заместитель командира 62-й авиадивизии, позже замученный нацистами в лагере Флоссенбург. В конце концов, власовцы вынуждены были признать, что во всех лагерях, где действовали подпольные антифашистские организации, попытки завербовать в РОА советских солдат и офицеров, по существу, провалились.

Конечно, были такие, кто шел и во власовскую армию, и в различные национальные формирования по идейным соображениям. Многие записывались в добровольцы, чтобы вырваться из лагерного ада, и впоследствии более или менее добросовестно служили немцам. Но значительная часть пленных шла на службу к немцам в надежде при первом удобном случае перебежать к своим. То и дело в «добровольных» формированиях происходили одиночные, групповые или даже массовые побегі, особенно когда разнеслась весть о наступлении советских войск под Сталинградом.

Самой активной и решительной формой лагерного сопротивления была подготовка вооруженного восстания. Свои планы подпольщики соотносили с надеждой на подход регулярных частей Красной армии или западных союзников. К 1944 г. по решению интернациональных комитетов почти во всех крупных концлагерях уже существовали штабы по подготовке вооруженных восстаний, их возглавляли, как правило, советские офицеры и генералы. Специально созданные разведывательные группы собирали сведения о численности охраны, расположении немецких гарнизонов вблизи продвижения своих и союзных войск. Первыми сумели освободиться узники Бухенвальда. Узнав, что передовые части 3-й американской армии генерала Дж. Паттона приблизились к Эрфурту, подпольный комитет принял решение о восстании. 11 апреля по сигналу (взрыву гранаты) боевые группы прорвали ограждение и заняли городок, где жили эсэсовцы. Захваченные склады позволили всем основательно вооружиться. Много эсэсовцев было уничтожено, 200 взяты в плен. После этого штаб организовал оборону лагеря. 13 апреля появились американцы.

В концлагере Маутхаузен восстание началось 5 мая. По сигналу штаба штурмовые отряды, прорвав ограждение, уничтожили большую часть охраны, захватили казармы эсэсовцев и склады, очистили от нацистов г. Маутхаузен, прочесали ближайшие окрестности. Захваченная в городе военная техника позволила сформировать артиллерийские и минометные подразделения. Штаб восстания, преобразованный в штаб обороны, взял на себя общее руководство боевыми действиями, четко организовал работу связи, материальное снабжение, санитарную службу. Через два дня в лагерь вошли американские танкисты⁹¹.

К сожалению, с освобождением из нацистских лагерей для многих военнопленных из числа советских граждан страдания не закончились. На Родине им предстояло пережить новые муки, тем более невыносимые для тех, кто не имел вины перед Родиной, а за свое мужественное поведение в плену, боевые заслуги до пленения, а часто и после побега из плена был достоин благодарности государства, сочувствия и внимания соотечественников.

Трагическое начало Великой Отечественной войны, когда в немецком плену буквально в первые же недели оказались сотни тысяч бойцов и командиров Красной армии, вызвало появление ряда документов, которые ужесточали отношение к военнослужащим, оказавшимся в плену, объявляли их предателями. Свою роль сыграл и приказ Ставки Верховного главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 г., который обязывал «каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо отпора врагу предпочтут сдаться в плен — уничтожать всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен лишать государственного пособия и помощи»⁹². Безусловно, требование любой ценой исполнить свой воинский долг было справедливым в столь тяжелый для Родины час. Конечно, этот приказ в известной мере сыграл положительную роль, что признает большинство участников войны. Но в то же время он нанес немалый вред, ибо эмоциональные

призывы «железной рукой карать трусов и изменников», не подкрепленные четкими юридическими формулировками, привели к ужесточению репрессий. Многих военнослужащих и гражданских лиц, даже на непродолжительное время оказавшихся за линией фронта, тут же судили «за самовольное оставление части или места службы в боевой обстановке», «за побег из части». Многих командиров, вышедших из окружения, военные трибуналы осудили по статье 193—21 Уголовного кодекса РСФСР, то есть «за самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений в целях способствования неприятелю».

Между тем имеются многочисленные доказательства того, что добровольно в плен сдавались очень немногие. Так, из 38 пересыльных лагерей («дулагов») в зоне действий группы армий «Центр» лишь два емкостью 200—400 человек были предназначены для перебежчиков, а 36 остальных вмещали до 1500 человек каждый. Так что перебежчиков, даже в первый год войны, было около 1,5%, а в последующем и того меньше. Это данные Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий⁹³.

Еще в ходе наступления под Москвой, когда соединения Красной армии стали освобождать первые большие группы пленных, одновременно выяснилось, что в селах скрывались сотни бывших окруженцев, не сумевших или не пытавшихся перейти линию фронта, отношение к пленным существенно изменилось. 27 декабря 1941 г. было принято постановление ГКО, которое предусматривало создание в пределах армейского тыла сборно-пересыльных пунктов, куда направлялись обнаруженные при освобождении городов, сел и других местностей бывшие советские военнослужащие, а также находившиеся в плену и в окружении противника для выявления среди них изменников Родины, шпионов и диверсантов. С этой же целью в 1942 г. была создана сеть специальных лагерей НКВД на разных участках фронта⁹⁴.

4 октября 1944 г. постановлением советского правительства было создано Управление уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации советских граждан, находившихся в плену или насильственно вывезенных в Германию и в оккупированные ею страны, во главе с генерал-полковником Ф. И. Голиковым. В задачу управления входили учет перемещенных лиц и военнопленных, а затем организация их возвращения на Родину. Одновременно при совнаркомх союзных республик и исполкомах областей создавались отделы репатриации, приемно-распределительные пункты. На полную мощность они заработали уже после войны. В мае 1945 г. в тыловых районах начали формироваться лагеря для размещения и содержания бывших военнопленных и репатрируемых советских граждан. К лету на территории СССР уже действовало 43 специальных и 26 проверочно-фильтрационных лагерей, а в Германии и других странах Европы — еще 74 подобных «заведения»⁹⁵.

Репатриация была практически завершена только к 1 декабря 1946 г. К этому времени в СССР были возвращены около 5,5 млн человек, из них 1 833 567 военнопленных⁹⁶. 18 августа 1945 г. ГКО принял постановление «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста»⁹⁷. Общее число бывших советских военнопленных, подвергшихся разного рода репрессиям за одно только пребывание в плену, и сейчас нельзя определить достаточно точно. В приговорах военных трибуналов, а тем более в постановлениях внесудебных органов (особое совещание, тройки и другие) формулировка «за пребывание в плену», естественно, отсутствовала, а установить, что скрывается за номерами тех или иных статей Уголовного кодекса, инкриминированных тому или иному обвиняемому, сложно. Всего из 1 836 562 бывших военнопленных Красной армии, прошедших через проверку в военное и послевоенное время, 600 тыс. были направлены для работы в промышленности в составе рабочих команд и батальонов, 339 тыс. (в том числе 233,4 тыс. бывших военнослужащих) арестованы и переданы органам НКВД, около 1 млн человек вторично призваны для прохождения военной службы в частях Красной армии⁹⁸.

Вместе с тем указанные сведения требуют пояснения. Вторичное направление в действующую армию означало чаще всего отправку в специально созданные для военнопленных запасные дивизии, откуда многих из них посылали во все те же рабочие батальоны, лагеря

или на спецпоселение. Через рабочие батальоны Наркомата обороны, по данным специально назначенной комиссии под председательством Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, прошли 660 тыс. человек. Всего за 1945–1953 гг. в рабочих батальонах различных ведомств содержались не менее 1,5 млн военнопленных и военнообязанных⁹⁹.

В разные годы правительство СССР предпринимало определенные шаги для смягчения их участи. Так, 7 июля 1945 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией». Через десять лет после войны, 17 сентября 1955 г., Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В соответствии с этим актом освобождались от ответственности и подлежали амнистии те, кто находился в рядах немецкой армии, РОА, полиции, служил в карательных органах оккупантов. Вместе с ними на свободу вышли и те бывшие военнопленные, которые оказались в лагерях из-за необъективной проверки, несправедливого суда, а то и вовсе по одному лишь подозрению в сотрудничестве с оккупантами. Однако в правах они полностью не восстанавливались. В 1956 г. специально назначенная комиссия под председательством маршала Г. К. Жукова выступила против тезиса: «каждый, кто попал в плен, — предатель Родины». 29 июня 1956 г. по предложению комиссии было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». В нем указывалось, что «время пребывания в плену, в окружении и на спецпроверке, если пленение не было добровольным и если военнослужащий, находясь в плену, не совершил преступлений против Родины, засчитывается в срок службы в армии, а также в общий трудовой и непрерывный стаж работы». Однако меры, предусмотренные постановлением, также в значительной степени остались на бумаге. На протяжении многих лет в анкетных листах существовала графа «Находился ли в плену?».

24 января 1995 г. Президент Российской Федерации подписал указ «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период»¹⁰⁰. Они получили удостоверения участников Великой Отечественной войны и причитающиеся им скромные льготы.

По-другому складывались судьбы военнопленных противника. Отношение к ним было вполне гуманным. Конечно, тяжелый принудительный труд после нескольких лет пребывания на фронте, полное отсутствие личной свободы, непривычные климатические условия, отрыв от родных и близких, сложности быта и другие трудности, усугублявшиеся подчас нераспорядительностью или халатностью руководства лагерей, угнетали военнослужащих, отравляли их существование. И все же это не шло ни в какое сравнение с положением советских военнопленных в Германии. К началу Великой Отечественной войны в Советском Союзе никаких правовых документов по обращению с военнопленными, кроме ведомственных инструкций НКВД, на который была возложена их охрана, не было. Только 1 июля 1941 г. советское правительство приняло упомянутое положение о военнопленных¹⁰¹. Днем раньше, 30 июня 1941 г., Совнарком СССР принял постановление, а 6 августа издал распоряжение, которые устанавливали нормы питания для пленных. 24 ноября 1942 г. постановлением СНК была введена новая (повышенная) норма продовольственного пайка для военнопленных. Суточный рацион, в частности, включал 600 граммов, а на тяжелых работах — 700 граммов хлеба, 80 граммов крупы и макарон, 80 граммов мяса и рыбы, 13 граммов жиров, 10 граммов сахара, 500 граммов овощей, включая картофель, и прочее. НКВД предоставлял лагерной администрации право дифференцировать указанные нормы в пределах 30% в зависимости от характера работы, климатических условий, а также от выполнения установленных норм выработки военнопленными. Те, кто сдался в плен добровольно, получали на 100 граммов хлеба больше, чем все остальные. Всего за время войны было принято четыре постановления, всякий раз увеличивавших паек и улучшавших его качество. Кроме того, существовали нормы снабжения вещевым, табачным и даже денежным довольствием. Перечень предметов

обмундирования насчитывал 13 наименований — от головных уборов до портянок, а деньги «для предметов первой необходимости» выделялись в сумме от 10 до 50 рублей в зависимости от служебного ранга военнопленного.

В первое время особых проблем с немецкими военнопленными в Советском Союзе не возникало, поскольку их было мало. В 1941 г. в плен попали 10 602 солдата и офицера вермахта, а за первое полугодие 1942 г. — всего 6683 человека. Но уже во втором полугодии положение резко изменилось: в плен были захвачены 172 143 человека, а в первом полугодии 1943 г. вдвое больше — 364 881 солдат и офицер Германии и ее союзников. Всего за годы войны в советском плену оказались 3 777 290 человек, в том числе 2 388 443 немца, 156 681 австриец, 513 766 венгров, 187 367 румын, 48 957 итальянцев, 2377 франков и 479 699 представителей других национальностей, служивших в вермахте¹⁰².

Многие немецкие солдаты и офицеры, плененные в 1942 г., были крайне истощены. Ко всему этому добавились и болезни. Для многих плен стал психологическим крахом. На основании выводов комиссии, изучавшей условия содержания военнопленных, ГКО 5 апреля 1943 г. принял постановление, в котором определялись серьезные меры по улучшению участи военнопленных. В результате принятых мер смертность в советских лагерях для военнопленных была в несколько раз ниже, чем в немецких. Внимание руководства СССР к положению пленных не ослабевало в течение всей войны, нормы суточного довольствия военнопленных несколько раз повышались, были четко определены все стороны жизни и быта военнопленных. НКВД даже разрешалось построить в 1945 г. в южных районах страны три лагеря-оздоровителя для военнопленных емкостью 20–25 тыс. каждый.

Забота о военнопленных диктовалась помимо всего прочего прагматической целью — подготовкой лояльных по отношению к СССР кадров в будущей Германии. В этом направлении велась и идеологическая работа с ними, которая в основном была возложена на офицеров спецпропаганды. 12–13 июля 1943 г. в лагере, расположенном в подмосковном Красногорске, был создан Национальный комитет «Свободная Германия», включавший представителей различных политических убеждений из прогрессивной немецкой эмиграции и военнопленных. Его президентом был поэт Э. Вайнерт, а в состав входили многие будущие крупные деятели ГДР (В. Пик, В. Ульбрихт и другие). С помощью листовок, газет и радиопередач на немецком языке его члены стремились убедить военнослужащих вермахта сдаваться в плен, дезертировать либо присоединяться к движению Сопротивления¹⁰³. В сентябре того же года возник «Союз немецких офицеров», объединявший под председательством генерала В. Зейдлица пленных офицеров-антифашистов. Главной целью союза являлось отстранение правительства А. Гитлера от власти¹⁰⁴. Деятельность обеих организаций целиком согласовывалась с советским руководством. Ответственность за координацию действий была возложена на Главное политическое управление Красной армии.

Во время войны к работам, связанным с ведением боевых действий или с военной промышленностью, иностранные военнопленные не привлекались, и в этом смысле положения Женевской конвенции в Советском Союзе выполнялись неукоснительно. Но уже 4 июня 1945 г., то есть сразу же после окончания войны в Европе, ГКО принял постановление «О распределении военнопленных и мероприятиях по улучшению их трудового использования», в котором говорилось о передаче 2100 тыс. военнопленных различным наркоматам. В распоряжение НКВД были выделены 460 тыс. человек. Они использовались на строительстве шоссейных и железных дорог, аэродромов, в черной и цветной металлургии, при восстановлении Беломорско-Балтийского канала, сооружении газопровода Саратов — Москва. Наркомат угольной промышленности получил 305 тыс. человек для строительства и восстановления шахт, Наркомат путей сообщения — 220 тыс. на восстановление дорог и заводов и на новое строительство. Наркомату обороны были выделены также 220 тыс. человек, которым предстояло очистить Одер и Вислу, построить автодорогу Иркутск — Слюдянка, соорудить Новотверецкий канал, осуществить строительство объектов инфраструктуры в военных округах.

С началом войны с Японией стали поступать пленные и с Дальнего Востока. Всего их было захвачено свыше 593 тыс. человек. 23 августа 1945 г. ГКО принял постановление «О приеме,

размещении и трудовом использовании 500 000 военнопленных японской армии». 150 тыс. человек были привлечены для строительства пяти участков Байкало-Амурской магистрали, кроме того, в ряд областей и республик направлялись по 15—75 тыс. человек. Японские военнопленные в СССР находились в равном правовом положении с немецкими и в одинаковых с ними условиях содержания.

30 января 1949 г. в сообщении ТАСС «К вопросу о репатриации немецких военнопленных» указывалось, что советское правительство полностью закончит ее в течение года¹⁰⁵. А 5 мая 1950 г. это агентство информировало о том, что из СССР репатриированы 1 939 063 немецких военнопленных. Одновременно сообщалось, что в Советском Союзе остались 13 532 человека, из которых 9717 осуждены за совершенные ими тяжкие военные преступления, а также 3815 человек, дела о военных преступлениях которых находятся в стадии расследования¹⁰⁶. В результате переговоров советского правительства с правительственной делегацией Германской Демократической Республики, изложенных в коммюнике, опубликованном в центральных газетах 23 августа 1953 г., 5374 из них были репатриированы.

Что касается японских военнопленных, то их репатриация началась сразу же после окончания Второй мировой войны. В 1945 г. из общего количества взятых в плен солдат и офицеров Квантунской армии непосредственно в районе боевых действий были освобождены 70 880 человек. А за период с 1 декабря 1947 по 1 мая 1949 г. домой вернулись еще 418 166 человек. В 1950 г. СССР официально заявил, что репатриация японских военнопленных и гражданских лиц, кроме заключенных, находящихся в исправительно-трудовых лагерях, завершена. Передача заключенных была завершена в конце 1956 г. Вернувшиеся на родину репатрианты единодушно заявили, что ко всем гражданам Японии, находившимся в лагерях для военнопленных, власти относились лояльно.

Плен всегда был неизбежным спутником войны. Для большинства людей пленение означало крушение всех планов и надежд, ломало судьбы, обрекало их на нравственные, а часто и физические страдания. В минувшую войну трагедия плена в невероятных масштабах затронула нашу страну, оставив кровоточащую рану в памяти народа. И потому к юридическим, историческим и нравственным аспектам плена, без сомнения, еще долго будут обращаться историки, публицисты и писатели. Есть только один способ решить проблему плена: устранить войну из жизни человечества, достичь мира и взаимопонимания между народами. Не будет войн — не будет и военнопленных. И все те, кто решает судьбы народов, судьбы мира и войны, должны постоянно обращаться к трагической истории плена во Второй мировой войне. Может быть, они проникнутся муками миллионов людей, испытавших плен, может быть, колокольный звон концлагерей пробьется к их сердцам и совести. И пусть это послужит дополнительным толчком к поискам путей мира на земле.

Сотрудничество с врагом

За время Великой Отечественной войны противник захватил до 10% территории Советского Союза в его довоенных границах. Перед людьми, оказавшимися под властью оккупантов, встала дилемма: или склонить голову и стать рабами немецких господ, или вести против оккупантов борьбу в надежде на освобождение Красной армией. Открытое выступление против оккупантов большинства населения было невозможно по той простой причине, что оно не имело оружия, состояло преимущественно из женщин, детей, подростков и пожилых мужчин. Чтобы выжить, им нужны были средства к существованию. К середине 1942 г. оккупантам удалось заставить работать на себя под надзором примерно 22 млн человек, из которых 20,8 млн проживали в сельской местности¹⁰⁷. В подавляющем большинстве они испытывали ненависть к иноземным поработителям не меньшую, чем другие советские люди, которые сражались на фронте или работали в советском тылу.

Вместе с тем среди населения временно оккупированной части страны имело место и сотрудничество с врагом. На Западе это явление получило название коллаборационизм (от фр. *collaboration* — сотрудничество, совместные действия). Именно на коллаборационистов опиралась в первую очередь власть оккупантов на местах: это служащие городских и районных управ, бургомистры в городах, старосты в деревнях и их помощники. Из местного населения формировались также вспомогательная полиция и «кадры» доносчиков. Большинство населения их презирало и относилось к ним как к врагам Родины.

Некоторые историки считают, что возникновение и усиление сопротивления оккупантам было лишь ответом на жестокое обращение с местным населением, что, мол, у него не было другого выбора, кроме как идти к партизанам. Необходимо при этом иметь в виду, что оккупанты скрывали свои планы превращения СССР в колонию Третьего рейха и массового уничтожения его населения, вели пропаганду о том, что Германия якобы ведет войну во имя неких «освободительных целей».

Известна демонстративная попытка создания некоего самоуправления в поселке Локоть (в то время Орловской области). Парадная, рекламная сторона этого «самоуправления» — открытие школ, церкви, театра, набор в добровольческую армию. В реальности «автономный административный округ» создавался на штыках немцев и военной бригады предателя Б. В. Каминского, поляка по происхождению. Жертвами режима Б. В. Каминского за время оккупации с октября 1941 по сентябрь 1943 г. стали более 10 тыс. человек. Были убиты 5598 человек, в том числе 293 человека сожжены заживо, убиты все евреи. В Германию угнали 6985 человек. Полностью было сожжено 24 деревни и 7300 колхозных дворов, разрушено 767 зданий культурных и общественных организаций. Ущерб от деятельности «самоуправления» составил более 900 млн рублей¹⁰⁸. С наступлением Красной армии «Локотская республика» прекратила свое существование, а остатки бригады в 1944 г. были направлены на подавление Варшавского восстания, где она отличилась особой жестокостью. Б. В. Каминский по формальному поводу — за мародерство был расстрелян самими немцами¹⁰⁹.

С оккупантами сотрудничала и часть советских военнопленных, которых стали называть власовцами — по имени бывшего командующего 2-й ударной армией генерала А. А. Власова, сдавшегося в плен в июле 1942 г. Однако подавляющее их большинство отношения к А. А. Власову не имели и не подчинялись Русской освободительной армии (РОА), которую немцы создали при его участии.

Что же заставило часть советских людей вступать на путь сотрудничества с врагом? Современные исследователи выделяют, как правило, три причины: стремление как-то выжить в жестоких условиях оккупации или плена¹¹⁰, неприятие советского строя, национальный сепаратизм. Непримируемыми врагами советской власти являлись часть так называемых белоэмигрантов, оказавшихся на оккупированной германским вермахтом территории (П. Н. Краснов, А. Г. Шкуро, В. Каюм-хан и другие), а также часть репрессированных советской властью граждан. Однако число последних было незначительным.

Большинство людей, находившихся на фронте, доверяли советской власти. Однако боец или командир, оказавшийся в немецком плену, кроме физического перенапряжения, голода и холода испытывал на себе еще и колоссальное давление антисоветской пропаганды. Все вражеские листовки в 1941 г. наперебой твердили: с Советским Союзом уже покончено; все, кто еще сопротивляется, будет уничтожен; единственный путь спасения жизни — помогать Германии. Можно только удивляться, что в этой обстановке большинство воинов Красной армии, находившихся в плену, не поддались на угрозы и уговоры и предпочли мученическую смерть служению в стане врага. Но и тот, кто шел на сотрудничество с противником, часто делал это с единственной целью — при первой же возможности возвратиться к своим. Сотрудничество с врагом в СССР никогда не достигало таких масштабов, как, например, во Франции, Бельгии или Голландии. Советский Союз избежал участи многих европейских стран, где в полную силу действовали так называемые «пятые колонны»¹¹¹.

Несмотря на все это, попытки создания такой «колонны» на территории СССР предпринимались. Об этом свидетельствует деятельность некоторых националистических, в том числе

мусульманских формирований: Туркестанского комитета, Волжско-татарского комитета, Крымского центра, Северокавказского штаба, Калмыцкого комитета и других¹¹². На Украине, как и в Белоруссии, они получили название Центральной рады. Их деятельность была направлена на раскол Советского Союза, внедрение национальной розни и нетерпимости. Эти комитеты, штабы и рады активно помогали немецким властям создавать в оккупированных районах различные воинские формирования. Как правило, людей загоняли туда обманным путем, используя ложь о том, что во всех их бедах виновно московское руководство, «задавившее культуру, искусство и религию национальных меньшинств». Довольно скоро они убеждались, что их затянули в самые обыкновенные бандформирования, возглавляемые немецкими офицерами.

Наиболее распространенной формой сотрудничества части советских военнопленных и гражданских лиц с противником в 1941 г. было их присоединение к отдельным германским частям для выполнения различных вспомогательных работ. Сами немцы называли таких людей *Hilfswillige*, или сокращенно — хиви («добровольные помощники»). Дальше прифронтовой полосы их не допускали. К концу 1942 г. их число достигло 200 тыс. Осенью 1943 г. германской пехотной дивизии по штату полагалось до 2 тыс. хиви при общей численности соединения 12,7 тыс. человек¹¹³.

Некоторые военнопленные и гражданские лица из оккупированных областей СССР вступали в полицейские команды и охранные части, предназначенные для борьбы с партизанами и несения караульной службы, другие — в формирования, созданные специально для ведения боевых действий против Красной армии. Первоначально при комплектовании подразделений из бывших военнопленных предпочтение отдавалось лицам нерусской национальности. Создавались так называемые восточные легионы: туркестанский, азербайджанский, грузинский, армянский, северокавказский и другие. Их основу составляли батальоны численностью до 900 человек. Всего за войну, по немецким данным, было создано 90 таких батальонов¹¹⁴. Впоследствии германское командование приступило к созданию в своем тылу боевых частей, набранных из военнопленных славянских национальностей, в том числе «русских батальонов». В разное время на стороне противника действовали более крупные формирования: Русская национальная народная армия, Казачий стан генерала Т. Н. Доманова, 15-й казачий кавкорпус генерала Г. фон Паннвица и другие. Командные посты в «восточных легионах» и батальонах занимали немецкие офицеры. В казачьих частях значительный процент личного состава составляли бывшие белоэмигранты.

Осенью 1941 г. на территории Украины, Белоруссии, западных районов РСФСР немцы сформировали несколько десятков подразделений для несения караульной службы в составе немецких охранных дивизий. К маю 1943 г. 60—70 тыс. человек служили во вспомогательной полиции военного управления, около 300 тыс. человек, по немецким данным, находились в полицейских командах местных властей¹¹⁵. Главное управление СС также располагало различными частями и командами, предназначенными для противопартизанской борьбы и диверсионных акций.

Часть «восточных легионов» использовалась оккупационными властями Германии для подавления движения Сопротивления в различных странах Европы. Особенно активные боевые действия они вели в Югославии и Италии, однако начиная с середины 1943 г. все больше коллаборационистов стали переходить на сторону партизан и бойцов Сопротивления. Весьма показателен в этой связи боевой путь эсэсовской охранной бригады «Дружина», которую возглавлял бывший подполковник Красной армии В. В. Гиль-Родионов. Весной 1943 г. это соединение отказалось подчиняться германскому командованию. Совершив дерзкий налет на германский конвой, военнослужащие бригады освободили большую группу пленных партизан, после чего они ушли в леса и стали сражаться уже против своих бывших немецких «хозяев». Сам В. В. Гиль-Родионов, награжденный железным крестом рейха и орденом Красной Звезды после перехода на сторону Красной армии, погиб в 1944 г.

В некоторых временно оккупированных районах страны сотрудничество с противником приобрело активную форму прямого участия в боевых действиях, что нанесло наибольший

ущерб Красной армии и партизанам, стоило им немалых потерь. Речь идет о националистических формированиях крымских татар и некоторых народностей Северного Кавказа, воевавших на стороне вермахта. Вместе с тем, как отмечают и западные исследователи, «восточные» или «национальные» легионы (батальоны), направленные для действий против Красной армии и советских партизан, проявили неожиданную для немецкого командования ненадежность. В 1943 г. только в Ленинградской области свыше 4 тыс. бойцов из «восточных легионов» перешли к партизанам. В Витебской области волжско-татарский батальон, перебив немецких офицеров, в полном составе (свыше 800 человек) с вооружением перешел к партизанам. То же самое произошло с туркестанским, азербайджанским и грузинским батальонами¹¹⁶.

На Северном Кавказе, куда летом 1942 г. прорвались танковые и пехотные соединения германской армии, поддержку вермахту оказали бандформирования из представителей чеченской, ингушской, балкарской и некоторых других национальностей. Отряды бандитов нападали на тыловые обозы Красной армии, препятствовали перегруппировке советских войск, грабили и убивали местное население. Вооруженную борьбу против Красной армии вела Организация украинских националистов, возглавляемая С. А. Бандерой, а с 1942 г. — созданная на ее основе Украинская повстанческая армия. Борьба ОУН — УПА против советской власти продолжалась до 1950-х гг. В тылу немецких групп армий на восточном фронте действовали также прибалтийские, украинские, русские и другие части СС. Руководителями националистов являлись, как правило, лидеры эмигрантских организаций или специальные немецкие агенты, засланные в советский тыл. На Северном Кавказе националистические банды продолжали борьбу против регулярных частей Красной армии, а также войск НКВД и после освобождения Северного Кавказа.

Сотрудничество с врагом некоторой части населения явилось поводом и основной причиной депортации (насильственного переселения) в годы войны многих малых народов Северного Кавказа, национальных меньшинств Крыма, Поволжья и других регионов страны. Прежде всего репрессии начались против лиц немецкой национальности, проживавших в Автономной Республике Немцев Поволжья, в Москве, Московской и Ростовской областях, пригородах Ленинграда (отсюда выселялись также финны), Грузии, Армении, Азербайджане, Дагестане и Чечено-Ингушетии. В августе — октябре 1941 г. 1,5 млн советских немцев были переселены в слабообжитые восточные районы. В указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. говорилось, что делалось это для их спасения от «гнева народно-го». Предусматривались наделение переселяемых людей землей и угодьями на новых местах, государственная помощь по их обустройству¹¹⁷. В 1944 г. на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан были вывезены сотни тысяч взрослых мужчин и женщин, стариков и детей: чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки, крымские татары, турки-месхетинцы, болгары, греки (из причерноморских районов), армяне, ногайцы были лишены своей автономии¹¹⁸. На сборы им давалось 24 часа. Переселенцы вынесли много бед и лишений. Репрессии на этнической почве продолжались и в послевоенное время. Справедливость к ним была восстановлена лишь после 1953 г.¹¹⁹

Первые боевые части Русской освободительной армии генерала А. А. Власова были созданы в конце 1944 г. В ноябре германское командование сформировало из советских военнопленных 1-ю дивизию РОА (в документах вермахта она числилась как 600-я пехотная дивизия). Ее возглавил бывший командир стрелковой дивизии Красной армии полковник С. К. Буняченко. Это соединение прибыло на восточный фронт в марте 1945 г. В январе 1945 г. был подписан приказ о создании 2-й дивизии РОА (650-й дивизии вермахта), однако ее формирование так и не было завершено до конца войны. В состав войск генерала А. А. Власова входили также две авиационные эскадрильи, ряд учебных частей и тыловых подразделений. РОА считалась основной вооруженных сил так называемого Комитета освобождения народов России (КОНР), созданного под покровительством оккупантов в ноябре 1944 г. Численность войск армии А. А. Власова не превышала 50 тыс. человек. Части РОА в 1944—1945 гг. кратковременно принимали участие в боевых действиях против регулярных войск Красной

армии. Большинству власовцев не удалось избежать возмездия за предательство. Часть личного состава РОА была пленена Красной армией еще на пути следования в Австрию. Сам А. А. Власов 12 мая 1945 г. был захвачен в Чехословакии разведгруппой советского 25-го танкового корпуса. Бывшего генерала нашли в кабине легковой машины, спрятавшегося под мешками с одеждой и провизией. Через некоторое время он вместе с другими руководителями Русской освободительной армии был предан суду военного трибунала и казнен.

Согласно документам германского военного архива в Потсдаме, на службе в немецкой армии находились около 180 тыс. советских граждан, из них примерно половина — военнослужащие, а остальные — из числа гражданского населения¹²⁰. Сведения об общем числе советских граждан, в различных формах сотрудничавших с противником, крайне противоречивы. Оно было значительным и составило около 1 млн человек¹²¹.

После окончания боевых действий в Европе часть добровольческих формирований, участвовавших в войне на стороне вермахта, оказалась на территории, занятой войсками союзников. В западные районы Чехословакии и Австрии стекались остатки РОА, «восточных легионов», охранных частей, отступавших под натиском Красной армии и англо-американских войск. Согласно ялтинским договоренностям СССР и его союзники обязались возвратить друг другу всех своих граждан, включая освобожденных военнопленных, перемещенных гражданских лиц, военнослужащих различных добровольческих формирований. Англо-американское командование не считало, однако, советскими гражданами тех лиц, которые не проживали в СССР до сентября 1939 г., то есть жителей Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии. Значительная часть «добровольцев» сумела таким образом остаться на Западе. Всего «невозвращенцев» (включая и жителей западных областей СССР) насчитывалось не менее полумиллиона человек.

Только через полвека многие из сотрудничавших с противником в годы войны были реабилитированы: в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 24 января 1995 г. «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период» были восстановлены их законные права. Но действие этого указа не распространяется на бывших советских военнопленных и гражданских лиц, которые служили в строевых и специальных формированиях вермахта, полиции, а также на тех, кто согласно закону Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» не подлежал реабилитации, ибо предательство и измена Родине сроков осуждения не имеют.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Военная энциклопедия: в 8 т. М., 2002. Т. 6. С. 39.
- ² Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 332–333.
- ³ Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 3. С. 386.
- ⁴ *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 344–345.
- ⁵ Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 455.
- ⁶ Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1999. Кн. 4. С. 115.
- ⁷ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сб. М., 1990. С. 21–22.
- ⁸ Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.). М., 1965. С. 166.
- ⁹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 21–22, 42, 85–86.
- ¹⁰ Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 386–387.
- ¹¹ «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967. С. 103–107.
- ¹² Цит. по: *Безыменский Л.* Разгаданные загадки Третьего рейха. Книга не только о прошлом. М., 1981. С. 272–273.
- ¹³ Цит. по: Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1958. № 3.
- ¹⁴ Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. М., 1987. С. 58–59.
- ¹⁵ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 130–132.
- ¹⁶ Unternehmen Barbarossa. Paderborn, 1984. S. 377–379.
- ¹⁷ Германия во Второй мировой войне. 1939–1945 / Пер. с нем. М., 1971. С. 113.
- ¹⁸ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 562.
- ¹⁹ Ни давности, ни забвения... По материалам Нюрнбергского процесса. М., 1985. С. 371.
- ²⁰ 65 лет Великой Победы: в 6 т. М., 2010. Т. 4. С. 48–49.
- ²¹ *Азяский Н., Князьков А.* Плечом к плечу. Советские партизаны в период подготовки и в ходе Курской битвы (апрель — август 1943 г.). Воронеж, 1988. С. 18.
- ²² Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине, 1941–1944. Киев, 1985. Кн. 1. С. 137.
- ²³ Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. С. 117–118.
- ²⁴ Военно-исторический журнал. 1989. № 2. С. 81–84.
- ²⁵ Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Минск, 1984. Т. 2. С. 38.
- ²⁶ Там же. С. 32.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 149. Д. 94. Л. 21, 43.
- ²⁸ Там же. Д. 7. Л. 42, 121–122; Д. 28. Л. 24.
- ²⁹ Там же. Д. 227а. Л. 1–3.
- ³⁰ *Боффа Дж.* История Советского Союза / Пер. с итал. М., 1990. Т. 2. С. 99.
- ³¹ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5. Кн. 1. С. 251.
- ³² Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 166.
- ³³ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 149. Д. 89. Л. 55.

- ³⁴ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 149. Д. 89. Л. 54.
- ³⁵ *Безыменский Л. А.* Германские генералы — с Гитлером и без него. М., 1964. С. 31.
- ³⁶ Цит. по: За рубежом. 1988. № 36. С. 18.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Unternehmen Barbarossa. S. 377.
- ³⁹ Fall Barbarossa. S. 365; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 153.
- ⁴⁰ *Dallin A.* German Rule in Russia, 1941–1945. L., 1953. P. 101, 317.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 18. Л. 31, 38–39.
- ⁴² *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 224.
- ⁴³ *Верт Н.* История советского государства, 1990–1991 / Пер. с фр. М., 1994. С. 316.
- ⁴⁴ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1090. Л. 39–40 (далее — РЦХИДНИ).
- ⁴⁵ Цит. по: Источник. 1995. № 2. С. 113.
- ⁴⁶ РЦХИДНИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1068. Л. 30, 111, 142; Д. 1069. Л. 28–31, 55, 57; Д. 1070. Л. 3; Д. 1107. Л. 4–5; Д. 1108. Л. 8.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 172. Л. 3.
- ⁴⁸ Там же. Д. 11. Л. 10–11.
- ⁴⁹ РЦХИДНИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1123. Л. 33–34.
- ⁵⁰ *Мединский В. Р.* Указ. соч. С. 351–354.
- ⁵¹ *Вроньска Т. В.* В умовах війни: життя та побут населення мют України (1943–1945). Київ, 1995. С. 7.
- ⁵² *Семиряга М. И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 188.
- ⁵³ Цит. по: Социологические исследования. 1991. № 2. С. 6.
- ⁵⁴ *Верт Н.* Указ. соч. С. 315.
- ⁵⁵ *Семиряга М. И.* Указ. соч. С. 228; Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 96.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 149. Д. 7. Л. 58–59.
- ⁵⁷ Цит. по: Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 8 т. М., 1998. Т. 7. С. 15.
- ⁵⁸ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 9. Л. 1–9.
- ⁵⁹ Там же. Д. 174. Л. 1.
- ⁶⁰ *Гальдер Ф.* Военный дневник: в 3 т. / Пер. с нем. М., 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 71.
- ⁶¹ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 134.
- ⁶² *Андрианов В. Н.* Участие чекистов в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 234.
- ⁶³ Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 134.
- ⁶⁴ РЦХИДНИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 28. Л. 18.
- ⁶⁵ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 6. Л. 7–9.
- ⁶⁶ РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 69. Л. 214.
- ⁶⁷ Война и общество. 1941–1945: в 2 кн. М., 2004. Кн. 2. С. 280.
- ⁶⁸ Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 153.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же. С. 153.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² *Мединский В. Р.* Указ. соч. С. 233.
- ⁷³ Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С. 39.
- ⁷⁴ О массовых репрессиях в отношении военнопленных и депортированных граждан. Доклад Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий. М., 1994. С. 1–2.
- ⁷⁵ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Стат. исследование. М., 1993. С. 338.
- ⁷⁶ АВП. Ф. 140. Оп. 25. П. 33. Л. 2.
- ⁷⁷ Документы внешней политики. Т. XXTV. М., 2000. С. 163.

- ⁷⁸ Русский архив. Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. Т. 24 (13). С. 37–40.
- ⁷⁹ Нюрнбергский процесс. Сб. документов. Т. 4. С. 210.
- ⁸⁰ Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941–1944. Минск, 1965. С. 23.
- ⁸¹ Цит. по: Преступные цели — преступные средства. С. 164.
- ⁸² Нюрнбергский процесс. Т. 4. С. 93.
- ⁸³ Die Tödliche Utopie. S. 241.
- ⁸⁴ Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Берлин, 1992. С. 199–200.
- ⁸⁵ «Совершенно секретно! Только для командования!»... С. 102–103.
- ⁸⁶ *Штрайт К.* Они нам не товарищи / Пер. с нем. М., 1991. С. 30.
- ⁸⁷ История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. М., 1977. Т. 8. С. 230.
- ⁸⁸ Против общего врага. Советские люди во французском Сопротивлении. М., 1972. С. 26–27.
- ⁸⁹ Война Германии против Советского Союза. С. 203–204.
- ⁹⁰ Красная звезда. 1959. 15 марта.
- ⁹¹ *Сахаров В.* В застенках Маугхаузена. М., 1962. С. 180–195; *Пирогов К.* Этого забыть нельзя. Одесса, 1962. С. 213–222.
- ⁹² 65 лет Великой Победы: в 6 т. М., 2010. Т. 2. С. 302.
- ⁹³ Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 92.
- ⁹⁴ РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 17. Л. 179.
- ⁹⁵ ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11566. Д. 18. Л. 142–144.
- ⁹⁶ Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 101.
- ⁹⁷ Там же. С. 105.
- ⁹⁸ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 325; *Земсков В.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба 1944–1956 // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 8.
- ⁹⁹ Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 94.
- ¹⁰⁰ Красная звезда. 1995. 25 января.
- ¹⁰¹ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 157.
- ¹⁰² Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 369–370.
- ¹⁰³ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. С. 485.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 675.
- ¹⁰⁵ Правда. 1949. 30 января.
- ¹⁰⁶ Там же. 1950. 5 мая.
- ¹⁰⁷ Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / Пер. с нем. М., 1996. С. 610–611.
- ¹⁰⁸ *Христофоров В. С.* Локотское окружное самоуправление: правда и вымысел // Великая война и Великая Победа. К 65-летию победы в Великой Отечественной войне. М., 2010. Кн. 2. С. 299.
- ¹⁰⁹ *Мединский В.* Указ. соч. С. 326–332, 339 и др.
- ¹¹⁰ Из 5,7 млн человек советских военнопленных, находившихся в Германии с 1941 по 1945 г. в лагерях и на принудительных работах, около 60% (3,3 млн человек) погибли от голода, непосильного труда и плохого содержания (см.: *Штрайт К.* Они нам не товарищи... М., 2009. С. 8).
- ¹¹¹ *Семиряга М.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
- ¹¹² Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 29–33.
- ¹¹³ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 154.
- ¹¹⁴ *Хоффман Ф.* История власовской армии. М., 2002. С. 10.
- ¹¹⁵ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 155.
- ¹¹⁶ Подробнее см.: *Dallin A.* Deutsche Herrschaft in Russland, 1941–1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf, 1981. S. 550, 559, 660; *Frolich S.* General Wlassow. Russen und Deutschen zwischen Hitler und Stalin. Köln, 1978. S. 59, 63; *Hesse E.* Der Sowjetische Partisanenkrieg 1941–1944 im Spiegel der deutschen Kampfweisungen und Befehle. Zurich; Frankfurt, 1969. S. 124; *Hoffmann J.* Die Geschichte der Wlassow-Armee.

Freiburg, 1986. S. 14, 358; *Hoffmann J.* Kaukasien 1942/43. Das deutsche Herr und die Orientvölker der Sovjetunion. Freiburg, 1991. S. 46–47 и др.

¹¹⁷ Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 163.

¹¹⁸ Военно-исторический журнал. 1996. № 5. С. 85.

¹¹⁹ Подробнее см.: Вторая мировая и Великая Отечественная война в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации. М., 2010. С. 192–195.

¹²⁰ *Репин Л.* «...Русские пленные добровольно служить не идут...» // Известия. 1990. 28 мая.

¹²¹ Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 2010. С. 293.